SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Мария Бекетова
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Мария Бекетова
Андерсен. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк М. А. Бекетовой.

С портретом Андерсена, гравированнымв Лейпциге Геданом

Глава I

Введение. – Детство Андерсена. – Его отец и мать. – Первые впечатления. – Мечтательность и фантазерство. – Игры и занятия. – Начало учения. – Смерть отца Андерсена. – Новые знакомства. – Первые попытки писать. – Конфирмационная школа. – увлечение театром. – Отъезд из родного города.

Немногие писатели пользуются такой популярностью, как Андерсен. Он написал очень много, но русской публике хорошо известно только собрание его сказок, составляющее лучшую, но меньшую часть его произведений. Сказки эти, переведенные на все языки и выдержавшие множество изданий, и доставили главным образом славу своему автору. Несравненная поэзия в соединении с тонким юмором, с чистотою и искренностью чувства является особенностью этих оригинальных произведений. Умение одушевлять все существующее и представлять в живых образах решительно все окружающие нас предметы делает сказки Андерсена особенно близкими сердцу, так сказать интимными. В них нет ничего грандиозного, ничего величавого, но тем не менее всякая подробность их бесконечно интересна. Способность Андерсена наделять человеческими чертами неодушевленные предметы вроде какого-нибудь уличного фонаря и вызывать сочувствие к ним читателя и составляет особенность его таланта. Если прибавить к этому широкую гуманность, необыкновенно простой и сжатый язык и самое светлое миросозерцание, то всемирная известность Андерсена будет вполне понятна.

Родился Андерсен в самом начале нынешнего столетия, в 1805 году, и умер недавно – в 1875, но по складу своего ума, по характеру принадлежит доброму старому времени. Родина его – датский город Оденсе на острове Фюн. Андерсен был единственным сыном своих родителей. Мать его, простая женщина без всякого образования, отличалась нежным и любящим сердцем, отец же являлся в своем роде очень замечательным человеком. Занимаясь сапожным мастерством, он всю жизнь не мог помириться с тем, что плохие семейные обстоятельства помешали ему получить то образование, о котором он мечтал. Супруги очень любили друг друга и жили в полном согласии. Тем не менее отец Андерсена не чувствовал себя счастливым. У него была совершенно исключительная натура, глубоко поэтическая и вместе с тем склонная к анализу. Жена не понимала его, окружающая среда была бесконечно ниже его по развитию. Он чуждался людей, мало-помалу уходил в себя

и год от году становился все угрюмее и сосредоточеннее. Любимым его занятием было чтение вслух. Кроме того, он охотно делал игрушки, рисовал и вырезал картинки для сына. Летом он часто брал его с собой за город в лес и проводил там многие часы, погруженный в размышления. Мальчик занимался один: он рвал цветы и ягоды, плел венки и так далее. Эти одинокие прогулки повторялись все чаще и чаще. Мать Андерсена участвовала в них только раз в год, перед весенним праздником. Она ходила в лес лишь для того, чтобы нарвать свежих веток и убрать ими комнату. Муж, по-видимому, старался развить жену чтением вслух, но из этого ничего не вышло. Она не скучала за книгами, но и только. Это была женщина неинтеллигентная, хотя не без некоторого поэтического чутья.

Молодой отец все больше и больше сближался с сыном и проводил с ним все свободное время. Первые книги, которые он читал Гансу, были басни Лафонтена, комедии датского писателя Хольберга и сказки из «Тысячи и одной ночи». И мать, и отец нежно любили сына и позволяли делать все, что ему хотелось, но от этого не происходило никаких неудобств. Унаследовав от отца мечтательный и вдумчивый нрав, мальчик был еще вдобавок мягок и тих, как девочка. Он не любил никаких шумных игр и даже не водился с детьми. Играл он постоянно один, причем фантазия его работала неутомимо. Наклонность к мечтательности развилась в нем еще сильнее под влиянием обстановки. Оденсе – старинный город, и во времена детства Андерсена в нем сохранялись многие средневековые обычаи, праздники, оригинальные процессии и так далее. Все это действовало на воображение ребенка, но еще больше почерпал он из сношений со своей бабушкой – матерью его отца. Это была кроткая и печальная женщина. Муж ее, когда-то зажиточный фермер, испытал целый ряд неудач и сошел с ума после пожара, истребившего почти все его имущество. Бабушка Андерсена переселилась в Оденсе вместе с мужем и сыном. Там купила она на оставшиеся деньги маленький домик при больнице для умалишенных, где и жила вместе с больным мужем. Помешательство его было тихое, так что он никому не делал вреда и не требовал постоянного ухода жены. Бабушка нежно любила внука и заходила к его родителям каждый день хоть на несколько минут, чтобы его повидать. По субботам бабушка всегда приносила своему любимцу цветов из госпитального сада, чем доставляла ребенку большую радость.

Мальчик и сам часто бывал у бабушки. Бродя по двору госпиталя, он часто видел там тихих помешанных. Со страхом смотрел он на них и с любопытством слушал их странные речи и

песни. Раз, оставшись совсем один в госпитальном коридоре, по обеим сторонам которого шли больничные камеры, мальчик лежал на полу и увидел в дверную скважину голую женщину с распущенными волосами, сидящую на пучке соломы. Несчастная пела пронзительным голосом, потом вдруг с криком бросилась к двери и ударила в нее с такой силой, что раскрылось оконце, через которое подавали ей пищу. Выглянув в это отверстие, она увидала мальчика и протянула к нему руку. Тот закричал от страха, ничком упал на пол и пролежал так до тех пор, пока не подоспели сторожа. Это страшное впечатление навсегда осталось в его памяти. Маленький Андерсен часто ходил в комнату, где пряли госпитальные старушки. Они очень его любили и говорили, что мальчик так умен, что едва ли долго проживет на свете. Это очень льстило его самолюбию, но еще больше нравились ему длинные сказки, которые рассказывали ему старушки.

Странная обстановка больницы, вид сумасшедших, ранние книги, своеобразные игрушки и картинки, которые дарил ему отец, и сказки госпитальных старух – все это образовывало в голове маленького Андерсена какой-то смутный хаос с удивительно поэтической и таинственной окраской. Мальчик жил в мире фантазии, и это сделало его очень нервным и впечатлительным. Он стал так боязлив, что с наступлением темноты не соглашался выйти из дому. Как только закатывалось солнце, Ганс ложился в большую постель своих родителей. Лежа под ее цветным пологом, он чувствовал себя вполне хорошо и безопасно. Сквозь занавески мальчик видел свет и слышал все, что говорилось в комнате, но это только успокаивало его. Сам же он был вполне уединен за своим цветным пологом в большой постели и предавался бесконечным мечтам. Ребенок лежал очень смирно, и мать приписывала это его благонравию. «Как тихо лежит дорогой мой мальчик», – говорила она. А мальчик ее в это время уносился в роскошное царство своей фантазии и мало-помалу засыпал, убаюканный несвязными золотыми грезами.

Так прошло почти все детство Андерсена. По целым часам занимался он игрушками, которые делал ему отец. Особенно же любил шить платья своим многочисленным куклам. Для этого мальчик усаживался под кустом ежевики, который рос у стены, и расстилал над ним материн передник, прикрепляя его к стене. Этот передник защищал его от непогоды. Ребенок тихонько сидел под ним со своими куклами. Сладкие и фантастические грезы до того одолевали его, что у него явилась привычка закрывать глаза, и близкие начали даже думать, что у Ганса слабое зрение, между тем как на самом деле мальчик видел прекрасно.

Вообще Андерсен был странный ребенок, не похожий на

обыкновенных детей, что не мешало ему быть очень счастливым. Мать и отец баловали его на все лады. При всей их бедности мальчик ни в чем не терпел недостатка. Его старались особенно хорошо одевать, для него нарочно звали старую швею, которая шила ему наряды из разного старья. Странно, что читать выучили Андерсена не дома. Его отдали для этого в школу. Там старая учительница сидела на стуле, окруженная детьми, с длинной розгой в руках. Дети произносили буквы и читали хором, а старуха водворяла между ними порядок посредством своей розги. Маленького Андерсена мать отдала в школу с тем, чтобы его не били. В первый же раз, когда розга дошла до него, он встал со своего места, взял книгу и, придя домой, попросил, чтобы его отдали в другую школу. Мать отдала его в школу Карстенса, где училась, между прочим, одна крошечная девочка, но Андерсен оказался еще меньше ее. Карстенс был добрейший человек и очень любил Андерсена. Он дарил ему цветы и пирожные, ласкал его и во время игр постоянно держал за руку, чтобы старшие ученики как-нибудь его не обидели. Впоследствии старик очень любил называть себя первым учителем знаменитого Андерсена.

У Карстенса в школе маленький Андерсен подружился с той девочкой, о которой уже была речь. Он принялся рассказывать ей фантастические истории вроде тех, которыми восхищал прежде госпитальных старух, но на этот раз эффект получился иного рода. Девочка была практическая особа и мечтала о том, как она сделается со временем фермершей в большой барской усадьбе.

– Ты будешь служить у меня в замке, – сказал ей на это ее маленький товарищ.

Он даже нарисовал ей свой замок и рассказал еще, как к нему приходят разговаривать золотые ангелы и какой он вообще счастливый мальчик.

Услышав это, девочка сказала кому-то из товарищей:

– Он сумасшедший, как его дедушка.

Такой вывод очень огорчил и удивил Андерсена: он думал поразить девочку своим умом и уж никак не ожидал прослыть сумасшедшим.

Андерсен был еще очень мал, когда родители в первый раз повели его в театр. Представление давалось на немецком языке, и вероятно поэтому мальчик не вынес никакого впечатления, увидев массу зрителей, он сказал: «Если бы у нас было столько бочек масла, сколько здесь людей, вот уж я бы поел!» Это прозаическое замечание показывает, что маленький Андерсен рос здоровым ребенком и его чрезмерное фантазерство не заключало в себе ничего болезненного, а свидетельствовало о задатках поэтического таланта. Как бы то ни было, театр скоро сделался

любимым местом маленького Андерсена, хотя его водили туда только раз в год. Он подружился с разносчиком афиш, и тот каждый день давал ему театральную афишу. Сидя где-нибудь в углу с этой афишей, мальчик разыгрывал целые комедии, которые сочинял, используя названия пьес и имена действующих лиц. Это было начало творчества.

Сильно походя на отца по натуре и по складу ума, Андерсен очевидно больше любил мать и находился под ее влиянием. Мать его была очень суеверна и совсем необразованна, отец же, напротив, отличался здравыми понятиями и своим недюжинным умом понимал многое, недоступное его жене, родным и знакомым. Он много думал над тем, что читал, и высказывал иногда своеобразные и очень здравые суждения, пугавшие его жену и мать как нечто новое и непонятное.

– Нет никакого черта, кроме того, что живет в нашем сердце, – сказал как-то отец Андерсена.

Эти слова, понятые буквально, привели в ужас его маленького сына. Со страхом думал он о душе отца. Страх этот еще усилился, когда однажды отец его проснулся с двумя ранами на руке. Вероятно, он укололся во сне иголкой, воткнувшейся в постель, но соседка говорила, что это посетил его ночью черт, чтобы показать, что он есть на самом деле, и маленький Андерсен этому вполне верил.

Когда появилась комета 1811 года, мать передала сыну все страшные сказки, существовавшие на этот счет, – и ребенок находился под их впечатлением. Раз вечером мальчик стоял на площади с матерью и с соседками и со страхом смотрел на комету, ожидая светопреставления. В это время мимо проходил его отец и объяснил происхождение кометы, думая рассеять суеверные страхи, но слова его ни к чему не повели: все смотрели на него, покачивая головами, и никто ему не верил. Видя это, он засмеялся и пошел своей дорогой. Маленький Андерсен почувствовал какой-то ужас при виде неверия отца. Вечером к ним пришла бабушка, и невестка рассказала ей случай с кометой. Мальчик сидел на коленях у бабушки, смотрел ей в глаза и ожидал, что вот-вот комета заденет землю хвостом и наступит конец мира. Он не понимал того, что говорили женщины, но был заранее во всем с ними согласен. Очевидно, отца его считали еретиком и безбожником, хотя он был глубоко религиозный человек, часто читал Библию и много над ней думал.

Рознь с окружающими его людьми очень тяготила отца Андерсена. Он всячески старался найти выход из своего положения, но это ему не удавалось. Любимой его мечтой было жить в деревне. Ему представился даже раз прекрасный случай,

но и тут вышла неудача. Один богатый землевладелец на острове Фюн пожелал иметь своего сапожника, причем давал ему домик и землю в деревне поблизости от замка. Андерсены были в восторге, маленький Ганс молился о том, чтобы отцу его удалось получить желанное место. Тот взялся сшить хозяйке замка бальные башмаки, но работа его не понравилась, и все мечты разом рухнули. Между тем его лесные прогулки повторялись все чаще и чаще. Душа его не знала покоя и жаждала уединения. Мечтательный сапожник увлекся личностью Наполеона и решил поступить солдатом в один из союзных полков, мечтая о том, как вернется лейтенантом. Жена плакала, соседи его осуждали; но человеку этому очевидно хотелось чего-нибудь необычного, не похожего на окружавшую его жизнь. В то утро, когда должен был двинуться полк, отец Андерсена казался очень веселым и оживленным, только порывистая страстность, с которой он прощался с сыном, выдавала его волнение. Мальчик лежал тогда больной. К нему пришла бабушка, а мать со слезами провожала мужа. Это первое печальное утро, которое помнит Андерсен в своем счастливом детстве. Отец его скоро вернулся с полком, не побывавши в деле, так как в то время заключили мир. Он дошел только до Голштинии, но непривычные переходы тяжело отразились на его здоровье. Недолго пожил он со своими. В одно прекрасное утро он проснулся в горячке, бредя войной и Наполеоном. Мать послала сына к знахарке. Та проделала с мальчиком много разных таинственных вещей и под конец сказала ему: «Иди домой вдоль реки; если отец твой должен умереть, ты встретишь его призрак». Со страхом вернулся маленький Ганс и рассказал матери, что сказала ему знахарка.

– И ты никого не встретил? – спросила мать.

– Нет, – ответил он с бьющимся сердцем.

Отец его умер на третий день после этого случая.

После смерти отца мальчик был еще больше прежнего предоставлен себе самому. Мать ходила на работу в чужие дома, а Ганс по целым дням оставался один и играл в кукольный театр. В это время он свел знакомство с семьей одного умершего пастора, который считался довольно известным датским стихотворцем. Это было первое образованное семейство, в которое попал Андерсен. Здесь он впервые услышал слова «поэт» и «писатель», произносимые с большим почтением, и возмечтал сам сделаться писателем. Здесь же ему пришлось прочесть Шекспира, который остался на всю жизнь одним из его любимых авторов. Сейчас же принялся он разыгрывать шекспировские пьесы на своем кукольном театре, несколько видоизменяя подлинник. Чем больше лиц умирало в трагедии, тем больше она

ему нравилась. Дети, как известно, любят катастрофы. Потом он сочинил трагедию, заимствовав ее сюжет из одной старой песни. В конце трагедии все умирали. Андерсен воображал, что написал прекрасную вещь, и многие поддерживали его в этом заблуждении. Только одна соседка посмеялась над его произведением, что его очень обидело.

– Это она оттого говорит, что ее сын не может так написать, – утешала его мать.

Мальчик успокоился и принялся за другую трагедию. То было произведение высшего полета. В нем участвовали только коронованные лица. Андерсен видел, что у Шекспира короли и принцы говорят так же, как простые смертные, но ему казалось, что это неверно. Он спрашивал об этом у матери и у соседок. Те могли ему сказать только, что король, который был когда-то в Оденсе, говорил на иностранных языках. Мальчик понял это по-своему. Он достал где-то книжку с французскими, немецкими и английскими вокабулами и составил речь своих королей так, что вышла какая-то мозаика из иностранных языков. Вот что говорила, например, одна принцесса своему отцу: «Guten Morgen, mon père, haben sie gut sleping?» И в таком роде написаны все диалоги. Андерсену было, вероятно, лет десять, когда начались эти литературные упражнения. Вообще, он не делал тогда ничего похожего на то, что делают обыкновенно мальчики его звания. Он и не начинал еще работать, а только забавлялся, забавы же эти были совсем особого рода: игра в театр и в литературу… В один прекрасный день матери пришло в голову отдать его на фабрику, куда ходил сын одной ее знакомой. «По крайней мере, я буду знать, где сын», – говорила она. На фабрику отводила Андерсена бабушка, которая делала это очень неохотно и была, по-видимому, права. Там оказалось много немецких рабочих. Они работали с песнями и шутками очень грубого свойства. Маленький Андерсен скоро заслужил всеобщее расположение. У него был прекрасный, необыкновенно высокий голос. Он охотно пел не только разные песни, но и целые сцены из Шекспира и Хольберга с импровизированной музыкой. Это производило большой эффект. Мальчику аплодировали и делали за него работу. Первые дни ему было превесело. Но вот однажды, когда он увлекся своим пением и выводил необыкновенно высокие ноты, кто-то из рабочих сказал про него: «Да это совсем не мальчик, это, наверно, девчонка!» – и грубо схватил его. Шутка понравилась. Мальчика схватили за ноги и за руки. Он с громким криком вырвался, убежал с фабрики домой к матери и больше уж не возвращался.

Между тем мать Андерсена вторично вышла замуж. Новый

муж ее, тоже сапожник, совсем не походил на первого. Это был простой и добрый малый очень веселого нрава. Он нисколько не вмешивался в воспитание пасынка и предоставлял ему полную свободу. Мальчик ходил в семью пастора-поэта и читал там книги, а дома занимался своим кукольным театром и упражнялся в шитье. Это было нужно для кукольного театра. Особенно нравилось ему сшивать вместе разноцветные куски материи. Мать его находила, что такое занятие может пригодиться в будущем. Она полагала, что сын ее создан быть портным; он же, со своей стороны, говорил, что будет комедиантом. С этим мать решительно не соглашалась. Она понимала под словом «комедиант» только плясунов на канате и странствующих актеров, причем ставила тех и других на одну доску.

Слова матери не производили на Андерсена никакого действия. Он продолжал делать все, что хотел, и между прочим пел по целым часам все, что приходило ему в голову. То было своеобразное пение, но прелестный голос и фантазия поэтического ребенка, вероятно, создавали при этом нечто прекрасное и оригинальное. Пел он очень часто и на улице. Особенно любил он забираться на большой камень в реке, протекавшей поблизости от их дома, и, стоя на камне, заливался своими странными песнями, как жаворонок, «упоенный зарею и светом», по выражению Франциска Ассизского. Но не одна страсть к пению играла роль в этом препровождении времени. Мальчик был очень самолюбив. Он отлично знал, что его слушают из соседних домов и сада, и это придавало ему еще больше азарта. Многие в городе обращали внимание на странного и интересного ребенка, и у него завязалось немало знакомств среди богатого населения Оденсе.

Особенно участливо относилось к нему семейство полковника Гульдберга. Сам полковник был знаком с наследным принцем Христианом, который жил в то время в Оденсейском дворце. Полковник стал первым покровителем Андерсена. Он настолько заинтересовался своим маленьким другом, что захотел свезти его к принцу Христиану, причем дал Гансу следующий совет: «Если принц спросит вас, чего вы хотите, отвечайте, что самое большое ваше желание попасть в высшую школу». Андерсен не чувствовал никакого влечения к наукам, но послушно сказал принцу то, что внушил ему его покровитель. Принц ответил не особенно ободряющим образом. Он заметил, что ученье – вещь очень трудная, что петь и хорошо говорить стихи еще не значит быть гением и что лучше бы мальчик выбрал себе какое-нибудь хорошее ремесло.

Этот совет не очень-то понравился маленькому Андерсену,

мечтавшему о славе и о сказочном счастье. Таким образом, из разговора с принцем пока ничего не вышло. Поэтому мать вторично отдала Андерсена в школу. На этот раз это была школа для бедных, где учили только Закону Божьему, письму и счету. Школа была плохая, и Андерсен пробыл в ней недолго. Во время пребывания там он сочинил стихи в честь дня рождения школьного учителя и рассказывал товарищам интересные истории своего сочинения. Но рассказов этих было недостаточно, чтобы установить хорошие отношения между Андерсеном и его товарищами, завидовавшими его привилегированному положению в богатых семействах. Дело дошло до того, что в один прекрасный день, когда он вышел из школы, уличные мальчишки побежали за ним толпой с криками: «Вон идет комедиант!» Чувствительный и трусливый мальчик убежал домой, забился в угол и со слезами стал молиться Богу.

Тем временем ему шел уже четырнадцатый год. Он был высоким худощавым мальчиком с кудрявыми белокурыми волосами. Мать начинала подумывать о том, что нужно бы ее Гансу делать «что-нибудь разумное», как она выражалась. Она хотела конфирмовать его, а после отдать в портные, полагая в этом его призвание.

Для подготовки к конфирмации мать отдала Андерсена к пастору, у которого обучались дети из дворянских семейств. И сам пастор, и дети смотрели свысока на сына бедного сапожника. Пастор считал его выскочкой, товарищи сторонились. Бедный мальчик оставался постоянно один. Он нимало не завидовал богатству своих товарищей и вздыхал только по книгам, которых у них было гораздо больше, чем у него. Раз Андерсен вздумал декламировать сцену из какой-то комедии в присутствии пастора и его знакомых. Пастор строго остановил его и сказал, что если он еще раз повторит то же самое, его отправят домой. Андерсен не понял, за что на него напали. Единственным существом, относившимся к нему хорошо, была одна девочка, готовившаяся к конфирмации у того же пастора. В знак особого внимания она даже раз подарила ему розу, о чем Андерсен помнил всю жизнь с благодарностью.

На этот раз Андерсен благополучно выполнил свою задачу и конфирмовался вместе с другими. После конфирмации мать хотела отдать его в ученье к портному, но сын упросил ее этого не делать. За последние годы он накопил из денег, которые ему иногда давали, небольшую сумму в 30 риксдалеров (23 рубля). Считая себя настоящим богачом, он просил мать отпустить его в Копенгаген искать счастья, думая, что это первый город в мире.

– Что же там из тебя выйдет? – спросила его мать.

– Я сделаюсь знаменитым, – ответил мальчик и начал пересказывать ей то, что он читал в книгах про великих людей.

– Сначала они ужасно много страдают, а потом делаются знаменитыми, – заключил он.

Движимый каким-то непонятным, инстинктивным влечением мальчик со слезами и рыданиями умолял мать исполнить его желание. И мать уступила ему, предварительно посоветовавшись со знахаркой, которая сказала:

– Ваш сын сделается великим человеком, в его честь будет иллюминация в Оденсе.

Мать заплакала от радости и больше не противилась желанию сына ехать в Копенгаген.

Между тем четырнадцатилетний Андерсен составил в голове нечто вроде плана. Он не сомневался, что будет счастлив и знаменит, и думал сделаться актером. Летом, перед его конфирмацией, приезжала в Оденсе труппа актеров из Копенгагена. Они играли оперы и комедии, и Андерсен в качестве друга разносчика афиш не только видел все пьесы, но часто бывал за кулисами, перезнакомился со всеми актерами и даже исполнял раза два роли пажа и пастуха. На актеров смотрел он как на богов, а им нравился его живой и восторженный нрав. Они были с ним очень ласковы. Раньше еще его голос и способность разыгрывать наизусть целые сцены наводили его на мысль поступить на сцену, теперь же он окончательно решил, что будет актером. Андерсен слыхал, между прочим, что-то такое о балете и о копенгагенской танцовщице Шаль. Из рассказов этих он заключил, что балет еще лучше оперы и комедии, а танцовщица Шаль нечто вроде царицы. Восторженный юноша хотел поехать в Копенгаген познакомиться с ней и с ее помощью попасть на сцену. Для этого он предварительно отправился за рекомендательным письмом к старому книгопродавцу Иверсену, который знал всех приезжих актеров и должен был, по мнению Андерсена, знать также танцовщицу. Остальное не беспокоило нашего театрала. Старый Иверсен, в первый раз в жизни видевший Андерсена, с участием выслушал просьбу мальчика, но отговаривал его ехать в Копенгаген, советуя заняться каким-нибудь ремеслом.

– Это было бы большим грехом! – ответил ему Андерсен таким тоном, что старик сейчас же им заинтересовался.

Он не знал лично танцовщицы, но все-таки написал рекомендательное письмо к ней, которое и дал Андерсену. Получивши желанное письмо, Андерсен был в восторге и считал, что уже нашел ключ к счастью.

Мать уложила в узелок его пожитки, взяла ему место в

дилижансе и со слезами проводила до ворот, где стояла его бабушка. В момент прощанья с матерью и с бабушкой юноша испытал большое горе, но скоро развлекся новизной места и всего, что его окружало. Полный надежд и без всяких опасений за будущее пустился он в свет со своими тридцатью риксдалерами в кармане. Когда Андерсен очутился на пароходе и оставил позади родной остров, он почувствовал одиночество, но простодушная и жаркая молитва тотчас же вернула ему спокойствие.

Глава II

Жизнь в Копенгагене. – Первые шаги. – Знакомство с Сибони. – Новый круг знакомых и покровителей. – Сношения с театром. – Танцевальная и хоровая школы. – Критическое положение. – Неудачные попытки писать для сцены. – Отъезд в Слагельсе.

Четырнадцати лет от роду приехал Андерсен в Копенгаген. По незнанию жизни и безграничной вере в будущее он походил на ребенка, смело ступающего в пустое пространство в полном неведении опасности и в уверенности, что его кто-нибудь поддержит. Андерсен начал с того, что, имея в кармане меньше десяти риксдалеров (8 рублей), взял номер в гостинице, конечно самой скромной. Потом он пошел бродить по улицам. Городская суета его не смутила. Это отвечало его представлению о первом городе в мире. Главной целью его прогулок был театр. Он осмотрел со всех сторон это наиболее интересное для него здание, которое он считал в некотором роде своим будущим отечеством. На площади какой-то барышник стал предлагать ему билет. Андерсен горячо поблагодарил его, будучи уверен, что тот дарит ему билет. Человек этот подумал, что Андерсен над ним смеется, и так рассердился, что мальчик испугался и убежал.

На следующий день Андерсен нарядился в свой конфирмационный костюм, который считал верхом изящества и великолепия, надел между прочим и шляпу, доходившую ему до самых глаз, и отправился с рекомендательным письмом Иверсена к танцовщице Шаль. На лестнице перед дверью ее квартиры он встал на колени и начал горячо молиться Богу. Тут пришла служанка с провизией. Увидев Андерсена, она приняла его за нищего и с улыбкой протянула ему какую-то мелкую монету. Мальчик был очень оскорблен, возвратил деньги и потребовал, чтобы его впустили в квартиру. Танцовщица смотрела на него с большим удивлением. Она не знала того, кто рекомендовал Андерсена, а вид мальчика и манеры показались ей очень странными. Нимало не смущаясь, заговорил он о том, как счастлив, что может поступить на сцену. На вопрос ее, в какой пьесе он думает играть, он сказал: «В „Сандрильоне“, – я так люблю эту вещь». Он видел эту пьесу в Оденсе и знал наизусть всю главную роль. Желая показать свое искусство, он тут же попросил позволения снять сапоги для большей легкости, взял в руки шляпу вместо тамбурина и принялся танцевать по комнате и петь какое-то место из роли Сандрильоны. Необычайная живость и решительность его манер в соединении со смешным костюмом

производили странное впечатление. Впоследствии Андерсен узнал, что танцовщица приняла его за помешанного и поэтому постаралась скорее спровадить, но тогда он ничего этого не понял. После визита к Шаль он отправился к директору театра. Это был довольно важный господин, что нимало не смутило мальчика.

Директор сказал ему, между прочим, что он слишком худощав для сцены.

– О, – возразил Андерсен, – если я буду получать хотя бы тысячу риксдалеров за ангажемент, то я, конечно, потолстею.

Это очень не понравилось директору. Он строго посмотрел на мальчика и сказал, что принимает в труппу только тех, кто хорошо воспитан.

Андерсен не понял, в чем заключалась его вина, и был очень огорчен. С горькими слезами молился он Богу и думал, что, вероятно, уже начались те страдания, которые должны привести его к славе. В утешение горячий театрал взял себе билет на представление оперы «Поль и Вирджиния». В момент расставания влюбленных он горько расплакался, чем возбудил участие двух соседок. Они стали его утешать, а одна даже дала ему порядочный кусок бутерброда с колбасой. Андерсен объяснил, что плачет о своей собственной судьбе, представляя, что театр – его Вирджиния, и зная, что расстаться с мечтой о нем ему будет так же тяжело, как расстаться Полю с его возлюбленной. Женщины не поняли его слов. Когда же он объяснил им свое положение, не нашли ничего лучшего, как дать ему еще бутерброд.

На другой день Андерсен пересчитал свои деньги, у него оставался один риксдалер (75 копеек). Тогда он решил поступить в ученье к столяру. Там с ним случилось нечто вроде того, что уже было на фабрике. Его привели в ужас грубые шутки товарищей, которые стали дразнить новичка, заметив его стыдливость. Мальчик со слезами убежал из мастерской и объявил хозяину, что не хочет у него оставаться.

Тут он вспомнил, что читал в какой-то газете об итальянском певце Сибони, который был директором Копенгагенской консерватории. Андерсен отправился к нему учиться петь, заранее уверенный в успехе. Он попал к Сибони во время большого званого обеда и на кухне рассказал служанке свою историю. Та приняла в нем • большое участие, передала гостям все, что от него слышала, и привела его в столовую. За столом сидели, между прочим, композитор Вейсе и поэт Баггесен. Сибони повел Андерсена к фортепьяно, чтобы попробовать его голос. Мальчик пел и декламировал стихи. Последнее стихотворение

было очень печальное. Андерсен вспомнил о своем одиночестве и кончил стихи настоящими слезами. Это произвело большой эффект. Ему стали аплодировать. Баггесен сказал, что из него выйдет толк, а Сибони обещал заняться его голосом, выразив надежду, что со временем он сможет петь на королевской сцене. Мальчик был на седьмом небе! Он плакал и смеялся от радости и ушел совсем счастливый.

Служанка Сибони посоветовала ему пойти также и к композитору Вейсе, что Андерсен и исполнил, а так как Вейсе сам начал свою карьеру таким же бедняком, как Андерсен, то тем охотнее принял в нем живое участие и прежде всего позаботился о том, чтобы обеспечить юного ученика в материальном отношении. Он собрал для него единовременно 70 риксдалеров (52 рубля) и, кроме того, обещал давать ему ежемесячно 10 риксдалеров (8 рублей). Для Андерсена это было настоящее богатство. Полный надежд, написал он домой длинное радостное письмо.

Со своей стороны Сибони не только занимался с Андерсеном пением, но также разрешил мальчику проводить целые дни в его квартире. Как сам Сибони, так и жившая у него племянница прекрасно относились к новому ученику. Его кормили и обращались с ним как с равным, но особенно хорошо чувствовал он себя на кухне, в обществе двух веселых служанок и повара-итальянца. Сибони был прекрасный учитель и хороший певец итальянской школы, но не имел в Копенгагене никакого успеха, так как в то время в Дании не признавали итальянской музыки, вошедшей несколько позже в большую моду. Несмотря на истинную доброту и деликатность, Сибони имел суровый вид, что очень пугало впечатлительного мальчика во время уроков пения, продолжавшихся около года. Голос Андерсена находился в то время в переходном состоянии и потому требовал особенно осторожного обращения. Между тем приходилось ходить на уроки в холодную и сырую погоду в дырявых сапогах и легком платье, так как мальчик не имел возможности купить новые вещи. От этого он потерял голос, и уроки пения пришлось оставить. Сибони сказал ему прямо, что из него не выйдет певца, и посоветовал вернуться на родину и заняться каким-нибудь ремеслом. Таким образом, надежды Андерсена на карьеру оперного певца рухнули, и он остался без всякой поддержки. Другой на его месте, вероятно, упал бы духом или бросил бы всякие смелые мысли. Но Андерсен обладал удивительной верой в себя и в людей. Это его и спасло. Он вспомнил, что в Копенгагене живет поэт Гульдберг, брат того самого полковника Гульдберга, который покровительствовал ему в Оденсе и водил

его к принцу Христиану. Андерсен написал ему письмо, в котором рассказал про свое бедственное положение, затем отправился к нему лично. Гульдберг принял его самым лучшим образом. Увидевши из письма Андерсена, как плохо его правописание, Гульдберг обещал учить его по-датски и по-немецки. Немецкому языку мальчик уже пробовал учиться и прежде, чтобы объясняться с Сибони, который совсем не знал датского, по-немецки же говорил, хотя и плохо.

Добрые люди не дали умереть с голоду бездомному и беспомощному скитальцу. Гульдберг, Вейсе и некоторые другие, сложившись, составили известную сумму, на которую Андерсен мог жить некоторое время. Ему выдавали 16 риксдалеров (12 рублей) в месяц. За эти деньги ему удалось получить у хозяйки дома, где он жил раньше, большую пустую комнату без окон и обед. Андерсен был несказанно рад этому новому своему жилищу. Хозяйка потребовала сначала 20 риксдалеров (15 рублей), и, прежде чем она согласилась на 16 риксдалеров, он успел вынести немало горя. Его огорчала не столько возможность остаться без крова, сколько перспектива расстаться с хозяйкой, к которой юноша уже сильно привязался и на которую смотрел как на мать. Его мягкое сердце располагалось сразу решительно ко всем, с кем сводила его судьба.

Итак, он поселился у этой женщины, но платил ей все свои деньги. Она посылала его иногда с каким-нибудь поручением и за это давала ему 19 пфеннигов в месяц. На них он покупал себе бумагу и старые книги. Без платья Андерсен продолжал обходиться точно так же, как и прежде. За это время круг его знакомых очень расширился. С одной стороны, он приобретал знакомства через Сибони, а с другой, – через Гульдберга и старую свою знакомую г-жу Лунд, замужнюю даму, жившую в Копенгагене. Это была та самая девочка, которая ласково обращалась с ним во время его пребывания в конфирмационной школе. Познакомился он, между прочим, с профессором Нирупом, но этим знакомством обязан был только самому себе. Узнавши, что Нируп сын крестьянина и учился в Оденсе, Андерсен без церемонии явился к нему и объяснил, что он тоже из Оденсе. Старый ученый заинтересовался своеобразным характером мальчика. Он позволил ему брать книги из своей библиотеки; «только с тем, чтобы снова ставить их на место» – говорил он. Андерсен исполнял это правило, и таким образом под руками его очутилось целое богатство. Это было для него большой радостью, но скоро испытал он новое удовольствие. Гульдберг познакомил его с актером Линдгреном, который начал готовить его к сцене. Они вместе изучали несколько ролей

простаков и смешных слуг. Эти роли были, вероятно, по плечу Андерсену, но он ими не удовольствовался и вздумал выучить большую трагическую роль Корреджио из какой-то драмы. В один прекрасный день он с жаром продекламировал ее перед актером. Линдгрен с улыбкой потрепал его по плечу и сказал: «У вас есть чувство, но едва ли из вас выйдет актер. Один Бог знает, что из вас выйдет. Скажите Гульдбергу, чтобы он научил вас латыни. Латынь поможет вам сделаться студентом». Эта мысль показалась Андерсену очень странной и совершенно новой. Тем не менее он поговорил об этом с Гульдбергом, и тот нашел ему дарового учителя латинского языка. Кроме драматического искусства Андерсен имел возможность познакомиться также и с танцевальным. Здесь помог ему танцмейстер Дален, в доме которого он был принят. Жена Далена была талантливая актриса и добрая женщина, так что Андерсен очень приятно проводил у них время. Он поступил в танцевальную школу Далена, но танцевальное искусство не пошло на лад. Андерсен оказался к нему неспособен. Тем не менее в качестве ученика школы Далена он имел доступ за кулисы и часто посещал театр. Этого было достаточно для его счастья. Время от времени он исполнял какую-нибудь выходную роль, и одно то, что он появлялся на сцене, приводило в восторг маленького мечтателя. Его имя стояло несколько раз в афише, и это тоже было для него источником великих радостей.

Между тем время шло, а средства Андерсена не увеличивались. Платье его окончательно износилось, сапоги развалились. Он часто голодал и сильно мерз в своем худеньком платье, но это не мешало ему чувствовать себя счастливым. Его поддерживала твердая вера в Бога, в людей и в свои силы, а фантазия окрашивала весь мир в самые радужные цвета.

Года через два к юноше вернулся голос. Его взяли в хоровую школу, которая была при театре. Это позволило ему еще чаще бывать на сцене. Он жил в театральной атмосфере, бредил театром и артистической карьерой.

Между тем его латинские книги были в полном загоне. Он беспрестанно ходил в театр, где у него постоянно бывали даровые места, и раз от разу забывал про латинскую грамматику, повинуясь исключительно влечению своего сердца, говорившего ему, что латынь скучнее театра.

Когда Гульдберг открыл этот грех юного Андерсена, он очень рассердился и сделал ему строжайший выговор, который совершенно ошеломил нашего беспечного фантазера. Первый раз в жизни довелось ему услышать подобное внушение.

Выговор Гульдберга до некоторой степени подействовал.

Андерсен стал заниматься латынью, но не особенно прилежно, так как начал писать комедию, щедрой рукой заимствуя материал из своих любимых авторов. Жена поэта Рабека, которой он прочел свое произведение, заметила ему во время чтения: «Но ведь у вас целые сцены взяты целиком у Ингемана и Эленшлегера». – «Да, но они так восхитительны!» – наивно ответил Андерсен и продолжал свое чтение.

Та же г-жа Рабек однажды шутя назвала его поэтом. Это было, когда он собирался идти от нее к г-же Кольбьернсен, а она дала ему букет роз со словами:

– Г-же советнице будет, конечно, очень приятно получить цветы из рук поэта.

Слова эти произвели на Андерсена необыкновенно сильное впечатление и глубоко запали ему в душу, так как он принял их за чистую монету, а поэтом его назвали первый раз в жизни.

Эта фраза г-жи Рабек хорошо рисует отношение к Андерсену копенгагенских дам. Его живость, чудачество и большие претензии, которые он в простоте душевной выражал совершенно открыто, забавляли многих. Над ним смеялись и дали ему в шутку прозвание «маленького декламатора». Андерсен был настолько наивен, что не всегда умел отличить насмешку от правды, но иногда его самолюбие сильно страдало.

Одной из лучших его знакомых того времени была старушка Юргенсен, умная, тихая и очень добрая женщина. Андерсен находил у нее ласку и участие. Ее беседа была очень занимательна и приятна. Она любила вспоминать старину и часто рассказывала о ней своему юному другу. Андерсен читал ей, между прочим, свою детскую комедию. Это была слабая и вполне несамостоятельная попытка. Тем не менее, прослушав комедию до конца, старушка сказала самым серьезным тоном:

– Может быть, вы такой же поэт, как Эленшлегер; лет через 10, когда я умру и буду уже в могиле, вспомните обо мне.

При этих словах Андерсен почувствовал такое волнение, что слезы навернулись у него на глазах, но воображение его отказывалось верить в возможность того, что предсказывала ему старушка.

– Вы непременно должны учиться, – прибавила она. – Все дороги ведут в Рим, и вы будете там же.

Многие говорили Андерсену, что нужно учиться. Он и сам начинал серьезно об этом подумывать, только не знал, где бы взять на обучение денег. С этою целью он начал писать трагедию для театра. Сюжетом послужил какой-то переводный немецкий рассказ, прочитанный им в журнале. Трагедия, написанная в стихах, вскоре была окончена. Но Андерсен никому не сказал о

своей новой затее. Он посвятил в свою тайну одну только г-жу Лунд. Она нашла ему переписчика, и трагедия была послана в театральную дирекцию. Через шесть недель, после ряда дней, полных тревожного и сладкого ожидания, она была возвращена автору с замечанием, что дирекция желала бы не получать более пьес, свидетельствующих в такой мере, как эта, о полном отсутствии у автора самого элементарного образования. В то же время Андерсен получил из дирекции другое письмо неприятного содержания: его увольняли из хоровой и танцевальной школ, находя, что дальнейшее обучение не принесет ему никакой пользы. Таким образом Андерсен остался, так сказать, за бортом. Положение его было довольно затруднительно, но он и тут не пал духом и решил непременно написать такую пьесу, которую примут и поставят на сцене. Скоро новая трагедия под названием «Ассоль»[1] действительно была готова, причем сюжет ее Андерсен заимствовал из рассказа одного датского писателя. По своим достоинствам произведение это стояло не выше двух первых его трагедий, но сам он был от него в восторге и читал направо и налево, не стесняясь даже тем, что не всегда был знаком с теми, кому хотел прочесть свою пьесу. Так, однажды он явился к известному переводчику Шекспира на датский язык, адмиралу Вульфу, который потом сделался одним из его лучших друзей. Сам Вульф вспоминал впоследствии про это оригинальное посещение, несколько сгущая краски, но в общем очень верно рисуя характер Андерсена.

Юный поэт без церемоний явился к этому незнакомому человеку и сейчас же объявил ему:

– Вы переводчик Шекспира, который мне так нравится, но я также написал трагедию. Вот послушайте.

Вульф пригласил его сначала позавтракать, но Андерсен ничего не хотел есть и тотчас же принялся за чтение. Покончив с трагедией, он сказал:

– Не правда ли, из меня кое-что может выйти? Я бы так этого хотел!

Потом он положил рукопись в карман. Когда Вульф пригласил его прийти в другой раз, он ответил:

– Да, я приду, когда напишу другую трагедию.

– Но в таком случае мне придется вас долго ждать, – сказал Вульф.

– О нет, – ответил Андерсен, – вероятно, я напишу ее через две недели. – И с этими словами он исчез.

Трагедия «Ассоль» нашла доступ в дирекцию театров через посредство пастора Гутфельдта, с которым Андерсен встретился у физика Эрстеда. Пастор Гутфельдт настолько заинтересовался

трагедией «Ассоль», что дал Андерсену рекомендательное письмо к директору театров Йонасу Коллину. Трагедия была послана в дирекцию вместе с рекомендательным письмом, и опять начались для Андерсена дни ожидания и надежд.

Все это время терпел он нужду, но никому в этом не признавался. Дело в том, что наш поэт не особенно страдал от своей бедности, находя утешение в мечтах и в книгах. Он прочел первый раз в жизни романы Вальтера Скотта. Это чтение привело его в восторг и открыло ему новый мир. С тех пор он стал охотно тратить на покупку романов любимого автора те деньги, которые должны были идти на пищу или на платье.

Трагедия «Ассоль», разумеется, не была принята на сцену, но Андерсена призвали в дирекцию и от имени Рабека объявили, что нашли в его произведении немало «золотых блесток» и надеются, что при помощи серьезных научных занятий из его таланта может выработаться нечто замечательное, так что со временем произведения его будут достойны датской сцены.

Кроме такого сравнительно лестного отзыва, трагедия Андерсена доставила ему случай познакомиться с директором театров Коллином. Этот в высшей степени почтенный и образованный человек принял в нем такое живое участие, что может считаться в некотором роде его вторым отцом. Правда, первое впечатление было неприятно: Коллин показался Андерсену сухим и холодным человеком, но впоследствии он убедился, что под наружной сдержанностью Коллина скрывалось по-настоящему доброе сердце. Коллин выхлопотал Андерсену королевскую стипендию для обучения в слагельсейской школе.

Андерсен был совершенно поражен таким исходом, но поражен не неприятно. В тот же день он отправился в Слагельсе, и новое, неизвестное будущее показалось ему заманчивым. Перед отъездом он еще раз посетил Коллина, чтобы поблагодарить его за участие. На этот раз Коллин произвел на него лучшее впечатление; он просил Андерсена писать ему о своих нуждах и вообще о новой жизни в школе. Уезжая, Андерсен успел поместить к какому-то издателю две рукописи: трагедию «Ассоль» и один рассказ. Обе вещи были напечатаны под псевдонимом «Уильям Христиан Вальтер». Таким образом наивный поэт хотел соединить свое имя с именами любимых авторов: Шекспира и Вальтера Скотта.

Перед отъездом он написал матери очень веселое письмо. Этим заканчивается период отроческих скитаний Андерсена, полный мечтаний и золотых грез, буквально заменявших ему порою насущный хлеб.

Глава III

Жизнь в Слагельсе. – Директор школы. – Поездки в Соре. – Переход в Хельсингёр. – Поездки в Копенгаген. – Первые стихи Андерсена. – Отношение к нему директора и угнетенное состояние Андерсена. – Возвращение в Копенгаген. – Занятия со студентом. – Поступление в университет. – Новые знакомства. – Хейберг и Эленшлегер. – Стихи Андерсена появляются в печати. – Пристрастное и неприязненное отношение общества. – Первая книга Андерсена. – Успех его первой пьесы. – Университетский экзамен.

Андерсен поступил в слагельсейскую школу почти 17 лет от роду и был до такой степени плох в науках, что его определили в предпоследний класс. Он поселился у какой-то вдовы в прехорошенькой комнатке с видом на лес и на сад. В школе ему пришлось сидеть на одной скамейке с маленькими мальчиками. С полным смирением и с большим прилежанием принялся он за дело.

Способности у него были хорошие, и ученье пошло очень успешно. Тем не менее оно давалось Андерсену нелегко вследствие непривычки к правильным занятиям. Товарищами и учителями был он доволен, город ему нравился, но несчастье его составлял директор школы, талантливый и знающий человек, но совсем не педагог по натуре. Его саркастический ум и насмешливая манера пугали и обескураживали учеников и в особенности чувствительного и мягкосердечного Андерсена, который, несмотря на свое самолюбие, отнюдь не был самоуверен и постоянно сомневался в своих силах. Впоследствии Андерсен узнал, что директор очень высокого мнения о его способностях, но пока он не видел от директора ничего, кроме строгости и самых обидных насмешек. Андерсен бывал у директора дома, куда тот приглашал его вместе с остальными учениками. Там директор становился другим человеком: играл с детьми в солдатики, смеялся и шутил с ними очень добродушно, но в школе все боялись его насмешек и строгого вида. Он любил ставить учеников в тупик, например, тем, что на экзамене, если они недостаточно бойко отвечали, внезапно оборачивался к печке и начинал задавать ей вопросы.

В школе Андерсен писал стихи на разные торжественные случаи, но вообще слушался своих друзей и покровителей, которые все в один голос твердили ему, чтобы он поменьше сочинял и побольше думал об ученье. Под влиянием школьной жизни юноша совершенно утратил свою ребяческую отвагу и

беспечность.

За время пребывания Андерсена в школе умерли его дед и бабушка, оставившие ему в наследство всего 20 риксдалеров (15 рублей), что, однако, казалось Андерсену большим богатством. Он с восторгом мечтал о том, как отправится в родной город, и осуществил свою мечту на праздниках. Мать очень гордилась его успехами в жизни. Все в Оденсе знали, что Андерсен воспитывается на королевский счет, и это внушало большое уважение к его особе. Когда он шел по улице, на него смотрели из окон домов. Мать с гордостью говорила: «Сын башмачницы Марии совсем уж не так глуп, как думали люди!» Пребывание в родном городе оставило в уме Андерсена впечатление какого-то величия. Но все это исчезло, как только он вернулся в Слагельсе. Директор не давал ему заноситься. Бедный Андерсен все больше и больше терял мужество под его строгим и насмешливым взглядом. Единственным утешением были праздники. В эти дни он ездил по окрестностям Слагельсе и скоро изучил все памятники старины, разумеется, не как ученый, а как поэт. Но лучшим местом его путешествий был городок Соре, где жил его копенгагенский знакомый поэт Ингеман со своей молодой женой. Юноша проводил каждое воскресенье в их уютном домике поблизости от моря. Обитатели его были интересные, живые и добрые люди. Жена Ингемана обращалась с Андерсеном как добрая старшая сестра. Он совершенно отдыхал там, среди веселого общества молодежи. Ингеман занимал место профессора в так называемой «рыцарской академии» города Соре. В числе его слушателей были два молодых поэта, которые скоро сошлись с Андерсеном, несмотря на большое различие в характерах. Насколько Андерсен был мягок и женствен по натуре, настолько те были мужественны и решительны. Все, чего недоставало Андерсену в школе, находил он у Ингеманов. Здесь даровитый юноша не боялся насмешек, не прятал своих мыслей и чувств и наслаждался интересной беседой.

Андерсен выдерживал один за другим переходные экзамены и дошел до четвертого класса, когда ему минуло 20 лет. В это время он вел дневник, по отрывкам из которого можно видеть, что его тогда занимало и до какой степени он был детски наивен и чист душой. Его интересовали исключительно книги и ученье. Вперемежку с упоминаниями о вновь прочитанных книгах попадаются замечания вроде следующих: «Хорошо выдержал из математики. Боже, благодарю Тебя от всего сердца!», или: «Великий Боже, я слаб, но Ты видишь мою душу. Помоги мне перейти в четвертый класс!», и так далее.

В это время директора школы перевели в Хельсингёр по его

собственной просьбе. Каково же было удивление юноши, уверенного в том, что директор считает его дураком, когда тот выразил желание, чтобы и Андерсен перешел вместе с ним и продолжал курс под его руководством. Андерсен написал об этом Коллину, который все время переписывался с ним и следил за его успехами, и действительно переехал в Хельсингёр, хотя ему было очень жаль расставаться со Слагельсе, где у него все-таки были знакомые, а главное, такие приятные соседи, как Ингеманы. Но робкий юноша не осмелился возразить директору и покорно исполнил его волю.

Вначале в Хельсингёре директор несколько оживился под впечатлением новой обстановки, стал охотнее заниматься с учениками и проявлял больше теплоты, но потом это прошло: он сделался саркастичнее чем когда-либо и совершенно замучил Андерсена своими издевательствами. Тому и в голову не приходило, что директор самого лучшего мнения как о его способностях, так и о его поведении и характере. В письмах к Коллину директор прямо называет Андерсена выдающимся, талантливым юношей. Непонятно, что заставляло его скрывать свое настоящее мнение. Андерсену было бы необыкновенно полезно всякое поощрение, а он не видел ничего похожего на это. Его поддерживал только Коллин, постоянно писавший ему ободрительные письма.

Андерсен страдал все больше и больше. В Слагельсе у него были товарищи, прогулки и веселые поездки в Соре. Здесь же ни одного знакомого. Гулять ему не позволяли. Когда кончались занятия, он сидел в четырех стенах. Товарищи не смели к нему ходить, боясь строгого директора. Однако на праздники его отпускали из школы. В такие дни он ездил в Копенгаген и останавливался там обыкновенно у адмирала Вульфа, в семье которого его принимали всегда как родного. Эти поездки казались ему чем-то сказочным, до такой степени унылая школьная жизнь не походила на жизнь в Копенгагене. Здесь был у Андерсена обширный круг знакомых. Если он и страдал иногда от сознания своей неловкости и плохого костюма, то это искупалось с лихвою интересными разговорами и обществом таких людей, как поэт Эленшлегер, которого он боготворил. Над Андерсеном нередко смеялись за его угловатые манеры, провинциальное произношение и излишнюю откровенность. Вообще он-таки немало терпел в копенгагенском «свете» из-за своей бедности и низкого происхождения. Следы перенесенных юношей, жившим всегда более или менее на чужой счет, уколов самолюбия и горечи зависимого положения можно видеть во многих его произведениях. Но в общем поездки в Копенгаген были для него

истинным счастьем, и он всю жизнь вспоминал о них с благодарным чувством.

Никогда не дремавшая фантазия, которую парализовали в школе насмешками и которую Андерсен сам старался держать на привязи, все же иногда прорывалась наружу. Во время своего пребывания в Слагельсе и Хельсингёре он написал-таки несколько стихотворений. Два из них – «Душа» и «К моей матери» – вошли впоследствии в собрание его сочинений. Другие два – «Новогодняя ночь» и «Умирающее дитя», единственные, написанные в Хельсингёре, – он читал в Копенгагене. Многим они понравились, но большинство старалось ему внушить, чтобы он не зазнавался и не мнил себя поэтом. Одна дама выразила это в такой форме: «Ради Бога, не воображайте себя поэтом оттого только, что вы написали несколько стихотворений. Ведь это сделается у вас idée fixe. Ну что бы было, если бы я вообразила, что я бразильская королева!»

Грех сказать, что Андерсена поощряли в дни его юности. Редко, редко доставалось ему услышать слово сочувствия. В своей автобиографии он уверяет, что в то время не считал себя поэтом, но мы думаем иначе. Без сомнения, Андерсен чувствовал в себе присутствие таланта, но, как все истинные художники, часто сомневался в своих силах.

Один из немногих ободрявших Андерсена своим хорошим отношением был Эленшлегер, который считался в то время первым датским поэтом, так что малейшее внимание с его стороны принимали за великую честь. На каком-то вечере в ярко освещенном салоне Андерсен чувствовал себя настолько неловко в своем плохом сюртуке, что спрятался за длинные занавеси. Проходя мимо него, Эленшлегер остановился и дружески пожал ему руку. Андерсен был совершенно счастлив. Он никак не ожидал такого внимания со стороны знаменитого поэта. Вообще он вращался в то время в очень блестящем интеллигентном кругу, где постоянно встречался с выдающимися литераторами, учеными и музыкантами.

После одной из поездок в Копенгаген, оставившей в его уме впечатление сказочного сна, Андерсен вернулся в Хельсингёр. Там ждала его большая неприятность. Директор узнал, что он читал в Копенгагене свое стихотворение «Умирающее дитя», и с самым суровым видом потребовал, чтоб оно было ему показано, причем благосклонно заметил, что если найдет в нем хоть искру поэзии, то простит своему дерзкому ученику его страшный проступок.

Андерсен дрожа подал стихи. Директор прочел их, осмеял и объявил, что они бессмысленны и сентиментальны. Потом сделал

строгий выговор бедному поэту.

Тяжелый гнет, который он испытывал вследствие отношения к нему директора, был замечен другими учителями. Один из них написал об этом Коллину, прося как-нибудь изменить положение бедного юноши. Коллин сейчас же решил, что Андерсену нужно выйти из заведения, вернуться в Копенгаген и там частным образом готовиться к университетскому экзамену. Такое решение очень огорчило директора. Этот странный человек, по-видимому, искренно жалел, что ему приходится расставаться со своим талантливым учеником. Тем не менее он остался верен себе и при прощании сказал Андерсену, что ему никогда не быть студентом, а стихи его, если их напечатают, пойдут на макулатуру. Можно себе представить, какое впечатление произвели на юношу эти жестокие слова. Много лет спустя, когда вышел в свет первый роман Андерсена «Импровизатор», имевший большой успех, его бывший директор встретился с ним в Копенгагене и, дружески протянув ему руку, сказал, что он в нем ошибался и неверно о нем судил.

Итак, Андерсен переехал в Копенгаген. Там нашли ему прекрасного молодого учителя. Это был студент-богослов Мюллер, впоследствии пастор. Он готовил Андерсена по всем предметам и нашел, что его ученик слаб в тех науках, в которых считался сильнее в Хельсингёре, и наоборот. Молодой студент с жаром занимался со своим даровитым учеником. В промежутках между занятиями они вели длинные богословские споры и были очень довольны друг другом.

Андерсен поселился в маленькой мансарде с далеким видом на городские башни и крыши. Обедать Андерсен ходил к знакомым по очереди, занимался очень прилежно и, кроме того, много читал. Два раза в день ходил он к своему учителю, причем по дороге на урок думал только о книгах, на обратном же пути давал волю своей фантазии. Теперь он позволял себе писать, когда ему хотелось. Но школьные годы не прошли для него даром.

Привычка подавлять сердечные порывы так в него въелась, что юный поэт усвоил обыкновение смеяться над собственными чувствами. Все его стихотворения того времени носят иронический характер, что не свойственно его натуре. Когда больные места его сердца несколько зажили, он стал проще. Но вначале это налагало на него отпечаток известной неестественности. Редко находились люди, понимавшие его натуру. В числе этих немногих Генриетта Вульф, дочь адмирала Вульфа, которая до самой смерти была верным другом Андерсена и имела на него большое влияние.

В то время в датской литературе было немало талантов. Особенно много удачного в новом роде писалось для сцены. Хейберг впервые выступил с водевилем и веселой комедией. С этим талантливым человеком Андерсен познакомился за обедом у физика Эрстеда, известного работами по электричеству. Хейберг необыкновенно понравился Андерсену своим изяществом и остроумием и был с ним очень любезен. Андерсен стал бывать у него в доме, и вскоре юмористические стихотворения молодого поэта начали появляться в еженедельной газете «Летучая почта», издаваемой Хейбергом. Тут началось то, что долгие годы отравляло жизнь Андерсена. Стихи его, как и большинство его первых произведений, имели успех только тогда, когда они появлялись без подписи, но как только делалось известно имя автора, интерес ослабевал. Удивительно, сколько недоброжелательных и несправедливых суждений пришлось выслушать Андерсену, прежде чем его имя стало известно во всем образованном мире Старого и Нового света. Критики, светские знакомые и даже близкие друзья – все, точно сговорившись, втаптывали в грязь его талант. Изредка выпадал на его долю незначительный и мимолетный успех, но вообще он видел только самое слабое поощрение. Без сомнения, его первые произведения гораздо ниже его сказок, но и в них уже заметен сильный и свежий талант, поэзия и оригинальность, а известную наивность их можно простить автору ввиду его молодости. Вначале стихотворения Андерсена появлялись в газете Хейберга под инициалом *Г…* Это значило *Ганс Христиан Андерсен;* но публика, которой очень нравились эти стихи, думала, что они написаны самим Хейбергом. Раз случилось, что Андерсен был в гостях у одних знакомых, которые не признавали его стихов и давали понять ему это в вежливой форме. Вдруг в комнату вошел хозяин дома с номером «Летучей почты» в руках и с сияющим видом объявил всему обществу: «Сегодня напечатаны в газете два прелестных стихотворения. Что за чудный человек этот Хейберг!» И он прочел вслух два стихотворения Андерсена, причем автор сидел в углу с бьющимся сердцем, но ничего не сказал. Одна девушка, присутствовавшая при этом и знавшая, кому принадлежат стихи, не выдержала: «Это стихи Андерсена!» Тут последовало неловкое молчание, а хозяин дома не нашел ничего лучшего, как выйти из комнаты.

В то время Хейберг был один из немногих, открыто признававших талант Андерсена. Он постоянно печатал его стихотворения и даже охотно перепечатывал их из других изданий, куда они изредка попадали.

В сентябре 1828 года, то есть 23-х лет от роду, Андерсен

поступил в университет. Сбросив с плеч тяжелое бремя экзаменов, он дал волю своей фантазии, и тут все пестрые образы, толпившиеся в его голове во время приготовления к экзаменам, вылились в форме оригинальной фантастической повести, полной мысли и юмора. Эта первая его книга называлась «Путешествие пешком от Хольмен-канала до острова Амагер». Не найдя издателя, Андерсен напечатал ее сам, и вскоре после ее выхода в свет у него купил право второго издания книгопродавец Рейцель, который впоследствии издал ее в третий раз. Книга эта была вскоре переведена на шведский язык и имела большой успех в Копенгагене. Андерсен стал студентом и признанным писателем. Какое счастье после стольких лет обидного презрения и недоверия к его силам!

Весь этот год был благоприятен для Андерсена. Все ему удавалось. После удачных экзаменов и первой книги, имевшей успех, он написал небольшую вещицу для сцены. Это была одноактная пьеса в стихах под названием «Любовь на Николаевой башне, или Что говорит партер». Пьеса эта, принятая на сцену, имела неожиданный и громадный успех. Студенты устроили Андерсену шумную овацию, которая привела его в неописуемое волнение. Чувствительные нервы молодого автора не выдержали такой радости. Точно преследуемый фуриями, выбежал он из театра, добежал до квартиры Коллинов и там разразился истерическим плачем. Дома была только хозяйка, относившаяся к Андерсену как мать. Видя его состояние, она думала, что его освистали, и стала его утешать, говоря, что не надо так близко все принимать к сердцу, что освистывали даже великих поэтов и даже самого Эленшлегера.

– Но меня не освистали, – рыдая воскликнул Андерсен, – мне аплодировали и кричали *ура*!

На другой день Андерсен, совершенно счастливый, переходил от одних знакомых к другим, празднуя свою победу над публикой. На этот раз его встречали сочувственно и не портили его радости кислыми замечаниями.

В тот же год Андерсен издал первый том своих стихотворений, тоже имевших успех. Точно судьба хотела его побаловать перед началом испытаний. В конце года он прекрасно сдал переходные университетские экзамены. Литературные занятия не мешали ему очень усердно заниматься и правильно посещать лекции. Так завершился этот счастливый год жизни Андерсена.

Глава IV

Летнее путешествие по Дании. – Несчастная любовь. – Угнетенное состояние. – Путешествие по Германии. – Оперные либретто. – Отношение критики и публики. – Новый сборник стихов. – Памфлет Терца. – Получение путевой стипендии.

Летом 1829 года Андерсен совершил небольшое путешествие. Он объехал Ютландию до Северного моря и весь остров Фюн и узнал теперь более подробно свое отечество. Путешествие произвело на него самое лучшее впечатление. Между прочим, он убедился в том, что имя его известно уже во всей Дании. Путешествие это Андерсен описал в двух книгах «Картины западного берега Ютландии» и «Фантазии Северного моря». В это же время он написал несколько юмористических стихотворений и принялся за исторический роман, который никогда не был окончен. Но тут начинается новый период в жизни Андерсена. Произошло событие, которое имело большое влияние как на него самого, так и на характер его произведений. На возвратном пути он остановился в одном маленьком городке, где увидел девушку, в которую страстно влюбился. Потом он встретился с ней в Копенгагене и вскоре узнал, что она любит другого и выходит за него замуж.

Это простое обстоятельство произвело сильнейшее впечатление на Андерсена. Его глубокая и нежная натура была болезненно потрясена. Но потрясение имело и свою хорошую сторону. Недаром говорит Гейне, что художник то самое дитя, которое плачет жемчужинами. Страдания Андерсена тоже породили перлы. Принужденная ирония, несвойственная его характеру, совершенно исчезла из его произведений, он сделался вполне самим собой, не стыдился заставлять звучать все струны своего сердца, отчего все выходившее из-под его пера сильно выигрывало.

Тогда же Андерсен впервые прочел только что появившиеся стихотворения Гейне, которые, разумеется, пришлись ему особенно по сердцу, так как необыкновенно подходили к его настроению. Гейне, Вальтер Скотт и Гофман производили на него наиболее сильное впечатление во времена его молодости, но Гейне остался его любимцем на всю жизнь.

Первое, что вышло из-под пера Андерсена в этот новый период его жизни, были сборник стихотворений «Фантазии и эскизы» и комедия «Разлука и свидание», которая впоследствии игралась на сцене. Это была история его собственной любви с благополучным концом. И то и другое написано в 1830 году.

Несчастная страсть Андерсена продолжалась довольно долго. Вследствие этого он стал мрачным и чувствительным до болезненности и склонен был видеть во всем только печальные стороны. Такое настроение могло бы развеяться под влиянием ободряющих впечатлений, так как Андерсен был по природе оптимист и глубокий поэт, способный к чистейшим и бескорыстным наслаждениям художника, но в это трудное переходное время своей жизни он встретил мало поддержки. Одно, по-видимому пустое, обстоятельство причинило ему массу неприятностей. Дело в том, что Андерсен отличался очень плохим правописанием. Известно, что это искусство дается не всем. Многие образованные люди до конца жизни пишут с ошибками. То же было и с Андерсеном.

И как же доставалось ему за эти несчастные ошибки!

Дело доходило до того, что совсем забывали обращать внимание на поэтическую сторону его произведений. В критике и в частной жизни повторялось одно и то же. Нередко в каком-нибудь знакомом доме в присутствии поэта осмеивали его стихотворения, причем не оставляли в них камня на камне и каждое слово читали в искаженном виде. Такая бесцеремонность «друзей» Андерсена объясняется, вероятно, тем, что он постоянно вращался в высшем кругу или во всяком случае среди дворян, где очень часто смотрели свысока на плохо одетого, неловкого и некрасивого юношу. То, что он обедал за одним столом с ними и вообще был принят в их обществе, вероятно, считалось уже достаточно большой честью и, по их мнению, давало право бесцеремонно издеваться в его присутствии над его стихами. В своей автобиографии Андерсен осторожно умалчивает об этих причинах своих неудач в Дании, хотя и жалуется на несправедливость публики. Но в его произведениях часто встречается тип талантливого человека, вышедшего из народа и страдающего среди покровительствующих ему аристократов. Это заставляет думать, что он прекрасно понимал и чувствовал свое зависимое положение.

Среди множества знакомых Андерсена попадались иногда люди, искренно его любившие. Участие их было необыкновенно утешительно для страждущего сердца и измученного самолюбия бедного поэта. К числу лучших друзей Андерсена принадлежал сын Коллина Эдвард. Эдвард Коллин был человек мужественный и трезвый, и эти черты его характера, по преимуществу отсутствовавшие в женственной натуре Андерсена, оказывали на него подчас прекрасное влияние, хотя, по-видимому, уроки здравого смысла и житейской мудрости нелегко доставались болезненно чувствительному и нервному Андерсену и

действовали наподобие полезных, но мучительных операций.

Между прочим, Эдвард Коллин был очень полезен своему непрактичному другу при сношениях с издателями, при держании корректур и так далее.

Еще одним другом Андерсена была г-жа Лэссё, дочь поэта Абрагамсона, уже пожилая женщина, отличавшаяся умом и образованием. Благодаря своей чуткой женственной натуре она понимала все сокровенные струны души Андерсена. С ней он был откровенен, не сожалея об этом. Она умела его утешить в самые тяжелые минуты, относилась к нему совершенно по-матерински и имела на него большое влияние. «Если мне удавалось нарисовать тип женственности и чистоты, то этим обязан я ей», – говорит он в своей автобиографии.

Угнетенное состояние Андерсена начало беспокоить его друзей. Эдвард Коллин посоветовал ему съездить за границу. За время своего студенчества Андерсен скопил небольшую сумму денег, которая и пригодилась ему для этой цели. Он съездил в Германию, побывал в Гамбурге, Любеке и Берлине, свел несколько полезных и приятных знакомств и вернулся домой значительно освеженный. В Германии он сошелся с поэтом Шамиссо, который понимал датский язык и был первым переводчиком стихов Андерсена в этой стране. Свои путевые впечатления поэт запечатлел в книге «Теневые картины путешествия по Гарцу и Саксонской Швейцарии». Книга эта была впоследствии переведена на немецкий язык, но у нас так же неизвестна, как и большинство произведений Андерсена, кроме его сказок. Кое-где раздавались голоса, находившие, что в последней книге Андерсена есть шаг вперед, но в большинстве случаев он встречал только насмешки и мелочные придирки. Несмотря на это, он имел бестактность постоянно читать в обществе свои произведения, прекрасно зная, что это считается большим самомнением с его стороны. Такую беспечность можно объяснить только тем, что Андерсен, искренно любя тех, кто постоянно задевал самые чувствительные струны его сердца, не мог удержаться от чисто детской болтливости и по привычке сообщал знакомым все, что с ним случалось.

Раздраженный постоянными насмешками и полным непониманием его натуры и таланта, Андерсен написал сатирическое стихотворение, за которое ему сильно досталось во всех журналах и газетах, а также и в обществе. Среди всех этих невзгод он прекрасно кончил курс в университете со званием кандидата философии. Начиная с 1829 года Андерсен перестал получать какие бы то ни было пособия и жил исключительно литературой, а так как платили ему очень немного, то средства

его были весьма невелики. Он едва перебивался, да еще должен был заботиться о приличном костюме, так как постоянно бывал в богатых кругах, и если бы не даровые обеды у знакомых, то ему пришлось бы очень плохо.

Андерсену противно было работать только ради денег, для этого он избрал *особый* род литературы: он перевел ряд французских пьес и начал писать оперные либретто. Андерсен имел несколько знакомых композиторов, которые охотно сочиняли музыку на предложенные им тексты. Сюжетами для либретто послужили ему, между прочим, романы Вальтера Скотта «Ламмермурская невеста» и «Замок Кенилворт». Андерсен очень рано научился владеть стихом; простота и сжатость его языка и поэтичность его образов служили порукой тому, что он сможет хорошо обработать для оперы взятые им сюжеты. Композиторы были им очень довольны, но публика смотрела на эти работы как на плагиат, везде раздавались негодующие голоса и презрительные речи. На Андерсена посыпались даже анонимные письма самого оскорбительного содержания.

Несмотря на все это, он издал в свет новый сборник стихотворений «Четыре времени года». Тогда эта книга не имела никакого успеха, но впоследствии она была признана едва ли не лучшим сборником стихотворений Андерсена.

Одним из самых завзятых его врагов в критике был историк Мольбек. Сам Андерсен описывает его как человека талантливого, но очень пристрастного и одностороннего. Мольбек являлся одно время директором театров, и, разумеется, Андерсену это было крайне невыгодно. Но когда его сменил поэт Палудан Мюллер, сверстник и товарищ Андерсена по университету, то стало еще хуже. Мюллер просто ненавидел Андерсена. Причиною этому была отчасти авторская зависть, а отчасти и личная антипатия.

В период студенчества Андерсена, то есть в самом начале тридцатых годов, в Дании появилось произведение поэта Генрика Герца, наделавшее много шуму и послужившее поводом для нового унижения Андерсена. Герц написал нечто вроде памфлета в стихах, где оценивалась вся датская литература. Поэты Баггесен, Эленшлегер и Хейберг были выставлены в наилучшем свете, но Андерсену сильно досталось. Опять вспоминались его орфографические грехи, и сам он был представлен в комическом виде. Эта вещь имела необыкновенный успех благодаря ловкому приему автора, написавшего свое произведение стилем покойного Баггесена и давшего ему название «Письма с того света». В этих письмах Баггесен будто бы полемизирует с живущими на земле. Удачное подражание его языку приводило датчан в восторг, и на некоторое время произведение это положительно вскружило им

головы: никто не замечал его слабых сторон и пристрастных суждений.

Конечно, «Письма с того света» еще более понизили авторитет Андерсена. Тем не менее после их появления он издал сборник стихов «Фантазии и эскизы», выбрав эпиграф из произведения Герца. Сам он отдавал должное таланту автора, втоптавшего его в грязь. В этом отношении Андерсен безупречен. Он всегда умел отделять талант от личности человека и судил людей не по их отношению к себе, а по всей их жизни.

«Письма с того света» недолго пользовались безусловным успехом. Скоро нашлись критики, оценившие их по достоинству и указавшие на их слабые стороны. Тем не менее они сильно повредили Андерсену в глазах публики. «Фантазии и эскизы» и изданные вслед за тем «Виньетки к датским поэтам» не имели никакого успеха. Последний сборник был не что иное, как характеристика всех датских поэтов в ряде мелких стихотворений. Критика даже не упомянула о нем. Такое положение длилось несколько лет. Андерсен едва перебивался, живя на скудный доход от своих книг, издания его не шли, и он видел со всех сторон полное пренебрежение к своему таланту.

Друзья посоветовали ему просить у короля так называемую «путевую стипендию», дававшуюся выдающимся поэтам и ученым. Андерсен начал с того, что посвятил недавно вступившему на престол королю Фридриху IV свою книгу «Четыре времени года». Затем, по совету друзей, ему следовало явиться к королю с прошением и, преподнеся книгу, объяснить ему свое бедственное положение. Церемония эта сильно не нравилась Андерсену, но он решил сделать все, как ему советовали. На приеме у короля произошла забавная и характерная сцена. С бьющимся сердцем преподнес Андерсен свою книгу. Король взглянул на нее мельком и спросил, что это за книга.

– Это цикл стихотворений, – ответил Андерсен.

– Цикл! Цикл! Что вы этим хотите сказать? – спросил король.

– Это несколько стихотворений про Данию, – ответил поэт.

– Это должно быть очень хорошо, – с улыбкой сказал король, – благодарю вас! – и он сделал прощальный поклон.

Тут Андерсен приступил к нему с рассказом о том, как он учился и пробивал себе дорогу.

– Это очень похвально, – сказал король. Андерсен прибавил, что он хотел бы получить путевую стипендию.

– В таком случае подайте прошение, – ответил король.

– Да, Ваше Величество, – сказал Андерсен, – оно уже со мной. Это ужасно, что я принес его вместе с книгой, но мне сказали, что так принято, и я должен был это сделать. По-моему, это

отвратительно, мне это так противно!

При этих словах даже слезы навернулись на глаза у наивного поэта. Король громко засмеялся, приветливо кивнул головой и взял прошение.

Андерсен получил стипендию, но ему пришлось представить письменное свидетельство знакомых литераторов в подтверждение того, что он действительно поэт. Они составили нечто вроде аттестата, в котором высказывались за их подписью мнения о разных свойствах его таланта. Ни одному из датских писателей не пришлось испытать такого унижения. Их произведения сами по себе служили достаточной гарантией для признания их дарований. И подобного рода рекомендация понадобилась тому, кто впоследствии затмил своей славой всех, благосклонно согласившихся поддержать его своим словом.

В конце мая 1835 года (28 лет от роду) Андерсен уехал на пароходе из Копенгагена в самом печальном настроении. Он не подозревал, что путешествие это будет началом его славы.

Глава V

Путешествие по Европе. – Жизнь в Риме. – Знакомство с Торвальдсеном. – Поэма «Агнета и водяной». – Письма с родины. – Возвращение в Данию. – Роман «Импровизатор». – Сочувствие публики и нападки критики.

Андерсен путешествовал больше года. Он посетил Германию, Швейцарию, Францию и Италию. Путешествие в экипаже (в то время еще не было железных дорог) чрезвычайно его утомляло. По-видимому, здоровье его никогда не отличалось особенной крепостью. Тем не менее он страстно любил путешествовать и умел наслаждаться окружающей природой и жизнью, причем все производило на него чрезвычайно сильное впечатление. Андерсен остановился месяца на два в Париже, довольно долго жил в Швейцарии и провел с месяц в Вене (на обратном пути). Но дольше всего он оставался в Италии. Эта страна была предметом его мечтаний и превзошла все его ожидания. Андерсен начал с Милана и проехал с остановками по нескольку дней до Рима, где основался на несколько месяцев. Он осмотрел окрестности, а также ездил в Неаполь, где прожил довольно долго, но после опять вернулся в Рим. Все путешествие в целом произвело на него самое лучшее впечатление. Он отдохнул от ряда мелких и крупных неприятностей, измучивших его на родине. За границей Андерсен повсюду встречал радостный прием и поддержку, несмотря на очень плохое знание языков, которые не давались ему всю жизнь. Не только иностранцы, но и земляки его, жившие там, относились к нему очень сочувственно. Он перезнакомился с массой художников, музыкантов и артистов и завязал со многими из них переписку. Его общительность и способность легко сходиться, а главное, любовь к людям и широкая гуманность делали его настоящим космополитом. Не было народа, который казался бы ему антипатичным сам по себе. Начиная близкими по духу немцами и кончая евреями, Андерсен отдавал должное всякой нации и во всех видел хорошие стороны. Да и вообще суждения его о людях отличались необыкновенной терпимостью и снисходительностью.

Он очень приятно провел время в Париже, где познакомился, между прочим, с Гейне и Виктором Гюго, но на этот раз не мог как следует изучить французской жизни. Это зависело не только от плохого знания французского языка, но также и от того, что живя в Париже, он все время держался в кругу своих соотечественников. Андерсен осмотрел все достопримечательности Парижа, побывал и в Версале, и в Лувре,

но все ограничивалось поверхностными наблюдениями. Париж ему нравился, но в описании его мы не видим той теплоты, которой отличаются рассказы Андерсена об Италии, «стране его мечтаний и счастья», как выражается он в своей автобиографии. Швейцария произвела на него более сильное впечатление, что и отразилось впоследствии в его сочинениях. Французская жизнь его не вдохновляла, вероятно, потому, что он не находил в ней ни отвлеченной поэзии немцев, ни артистической поэзии итальянцев.

Самое яркое воспоминание его жизни после детских лет – это Италия. Всего больше нравился Андерсену Рим, а затем Неаполь. В Неаполе восхищала его несравненная красота места, южное море, горы и Везувий. В Риме же поражало все, начиная с грандиозного величия древности и кончая уличной жизнью. Общество художников, известное своим радушием ко всем национальностям, приняло его прекрасно. Он примкнул к скандинавскому кружку, и здесь впервые проснулось в нем сознание общности датчан со шведами и норвежцами. Нигде не веселился Андерсен так, как в Риме в кругу художников. В общей сложности он провел там месяцев шесть, в том числе и дни Рождества и карнавала. Красота места, теплые южные ночи, итальянская живость и милая артистическая непринужденность художников – все его восхищало. Он участвовал в веселых попойках художников, сочинял застольные песни, играл видную роль при организации праздников – словом, всей душой отдавался веселью. В Риме поэт приобрел немало друзей, но больше всего сошелся со скульптором Торвальдсеном. Они подружились как-то сразу и навсегда сохранили друг к другу самые теплые чувства. Торвальдсен был значительно старше Андерсена, но это не мешало их близости. Мало кто выказал Андерсену столько участия, как его знаменитый соотечественник. Но для того чтобы дать настоящую оценку их отношениям, следует вернуться несколько назад.

Уехав из Дании, Андерсен долгое время не имел с родины ни одного письма; это его очень огорчало. Первое, что получил он из Дании после целого месяца пребывания в Париже, была посланная ему кем-то вырезка из газеты с анонимными стихами самого обидного содержания. В них говорилось между прочим о том, что, прежде чем ехать в чужие края, Андерсену следовало бы поучиться родному языку и еще кое-чему. Его насмешливо призывали на родину, утверждая, что за границей некому слушать его скучных стихов, и так далее.

Можно себе представить, какое впечатление произвел на Андерсена этот первый привет с любимой родины. Он был

совершенно подавлен. Но новизна впечатлений, сочувствие окружающих, а главное, живой родник фантазии, который еще только пробивался наружу из его ума и сердца, – все это спасло его и не дало ему окончательно упасть духом.

Еще живя в Париже, Андерсен задумал новую вещь, которую дописал в Швейцарии. То была поэма на сюжет датской народной песни «Агнета и водяной». Окончив поэму, он послал ее в Данию, где она вскоре была напечатана и встречена очень холодно. Живя в Италии, Андерсен получил письма от нескольких друзей. Все писали ему приблизительно одно и то же. В последнем произведении его не нашли ничего нового, а между тем ожидали заметить влияние путешествия. Эта поэма имела все недостатки его прежних стихов и так далее. Все заканчивали свои письма просьбой поменьше писать и всецело отдаться впечатлениям путешествия. «Нельзя столько писать, – говорил один из его друзей. – С вашей стороны непростительный эгоизм описывать свои путевые впечатления. Оставьте заботу о деньгах (?) и о писательстве. Все одного мнения о вашей новой поэме, и сочувствие к ней очень слабо», и так далее.

Эти письма производили на Андерсена удручающее впечатление. После каждого из них он становился мрачнее тучи, и, видя его печальным, римские друзья спрашивали у него: «Что, опять получили письма с родины?» «Я бы на вашем месте не обращал на них внимания», – посоветовал ему раз Торвальдсен. Когда же Андерсен рассказал про анонимное стихотворение, полученное им в Париже, Торвальдсен гневно сжал зубы и сказал с сердцем:

– Да, да, знаю я, каковы они там на родине! Если бы я не уехал оттуда, мне бы, вероятно, не дали сделать ни одной статуи. Хорошо, что я вовремя ушел!

В его жизни было тоже тяжелое время. В молодости ему так не везло на родине, что он уехал в Италию и много лет провел в Риме. Там талант его быстро развернулся, он достиг большой известности и уже стариком вернулся в Данию, где его встретили с почестями. Торвальдсен был уже в большой славе, когда Андерсен познакомился с ним в Риме. Его пример и горячая дружба оказали на поэта самое благотворное действие. Андерсен прочел ему свою новую поэму. Великий скульптор одобрил ее и сказал между прочим следующее: «Это звучит точно привет от родного леса и моря». При чтении поэмы присутствовал также прежний враг Андерсена Генрик Герц, который приехал в Рим и, встретившись с Андерсеном, первый подошел к нему с сочувственным словом, дружески протянул ему руку и сознался, что был к нему несправедлив. Герц увидел Андерсена в очень

тяжелую для того минуту. Только что перед тем получил он известие о смерти матери. С этой горестной вестью совпали неприятные письма о плохом впечатлении, произведенном на родине новой поэмой. Андерсен был в большом унынии. Ему казалось, что нет на свете существа, которому он нужен, что его никто не любит и он совсем одинок на земле. В таком печальном настроении был Андерсен, когда встретился с Герцем, и, вероятно, искренность его горя тронула этого человека.

Большим утешением для Андерсена было письмо его старой приятельницы госпожи Лэссё. Это письмо дышало участием и теплотой; она называла его своим сыном, писала ему о матери и между прочим давала справедливую оценку его новой поэме, признавая ее поэтические красоты и находя неудачным только выбор сюжета, слишком хорошо знакомого датчанам в своем первоначальном безыскусственном виде. Неуспех поэмы приписывала она злостной несправедливости к Андерсену. Это было единственное сочувственное письмо, полученное им с родины за все время. По-видимому, даже друзья его находились тогда под влиянием его врагов. Удивительно, как много злобы и недоброжелательства сумел он возбудить на родине, между тем как за границей у него везде были друзья и почитатели.

Как ни старались внушить Андерсену его датские друзья, чтобы он оставил писать, это не помогло. Заставить его не писать в то время значило бы то же, что заставить реку не течь. Андерсену было тогда 28 лет, а по свежести чувств, по наивности и силе переживаний он казался еще моложе. Талант его еще не установился, мысли и образы теснились в его голове, ища исхода после новых и ярких впечатлений. Во время пребывания в Италии в уме его зародилось новое произведение – «Импровизатор». Эта повесть из итальянской жизни есть живое отражение его впечатлений. В ней много достоинств, но много существенных недостатков. Все, что касается итальянской народной жизни, полно интереса, живо, ярко, юмористично. Детство героя, его отношения к старой приемной матери и к покровительствующему ему аристократическому семейству, жизнь в школе – все это очень хорошо, но романическая сторона крайне слаба. Здесь мы видим наивность и мелодраматичность, доходящие иногда до смешного. Описание итальянских страстей не дается мечтательному и наивному Андерсену, не переживавшему ни до, ни после того ничего подобного. Но зато вполне удалось ему воспроизвести горькое чувство зависимого и непонятого поэта, столько раз испытанное им самим. Андерсен начал писать свой роман еще в Италии. На обратном пути в Данию он остановился на некоторое время в Соре у Ингеманов, где и кончил первую часть романа

(вторая часть написана в Копенгагене).

Андерсен медлил возвращаться на родину и делал это только потому, что деньги его подходили к концу. Возвращаясь из-за границы, он останавливался в разных немецких городах, повсюду встречая радушный прием и доброжелательное отношение. С тяжелым чувством приближался путешественник к Копенгагену. Он боялся будущего. И действительно, общество встретило его холодно и неприязненно. Все говорили ему: «Мы ошибались в вашем таланте». С трудом удалось Андерсену издать свой новый роман. Для издания ему пришлось собирать деньги по подписке и выпрашивать их у своих друзей. Выручка была, разумеется, самая жалкая. Андерсен посвятил книгу семейству Коллинов. Когда роман вышел в свет, успех его был настолько велик, что вскоре потребовалось второе издание. Критика долго молчала, но с разных сторон раздавались сочувственные голоса. Первый, кто осмелился похвалить печатно «Импровизатора», был поэт Баггер, редактор «Воскресного листка». В рецензии его мы читаем между прочим следующее: «Андерсен пишет хуже прежнего, он исписался, мы давно этого ожидали, – так говорилось во многих столичных кружках, быть может, в тех самых, где сначала его наиболее превозносили. Но то, что он не исписался, а напротив, поднялся на огромную высоту, доказал он самым блестящим образом в своем романе „Импровизатор“.» Эти слова заставили плакать от радости бедного Андерсена, измученного долгой несправедливостью и презрением.

«Импровизатор» был началом успехов Андерсена, а поездка за границу послужила толчком для его таланта. Вернулся на родину Андерсен с сожалением. Он оставил за собой столько светлых воспоминаний и к тому же думал, что ему больше не придется быть за границей. Особенно жаль ему было Италии. Пылкий мечтатель считал ее потерянным раем, в который он больше никогда не вернется. Последующие его путешествия тоже имели на него большое влияние, но первые впечатления уже не повторялись. Никогда не представлялась ему Италия в таком праздничном виде. Все народные и уличные сцены, описанные в «Импровизаторе», взяты им с натуры, и после ему уже не приходилось так много и удачно наблюдать итальянскую жизнь. В Италии же Андерсен впервые ощутил вкус к живописи и скульптуре, в первый раз услышал настоящее хорошее пение, которое произвело на него потрясающее впечатление. Его прекрасные сказки «Медный кабан» и «Психея» – это отголосок впечатления, произведенного на него итальянским искусством и жизнью Флоренции и Рима.

С «Импровизатора» начинается новая эра в жизни Андерсена.

Книга эта приобрела ему массу друзей и почитателей как в Дании, так и за границей. Она была переведена на все языки и выдержала много изданий. Иностранные журналы отзывались о ней с большой похвалой, между тем как в Дании, несмотря на сочувствие публики, критика по большей части относилась к этому произведению или холодно, или несочувственно. Так например, в одном из иностранных журналов проводилась параллель между «Импровизатором» Андерсена и «Кориной» г-жи Сталь, причем отдавалось полное предпочтение Андерсену. «Андерсен наивен, г-жа Сталь сентиментальна, – говорилось в статье, – датчанин поэтичен, тогда как француженка риторична», – и так далее. В одном из датских журналов делалось то же сопоставление, но при этом предполагалось, что произведение г-жи Сталь, вероятно, есть первообраз «Импровизатора». Очень скоро начались обычные нападки на неправильную орфографию слов, на этот раз итальянских. Тем не менее успех книги и поворот общественного мнения в пользу Андерсена были очевидны. Ободренный этим успехом Андерсен продолжал писать. В 1836 году он выпустил в свет роман «О.Т.»[2], а в 1837 – «Только скрипач». Оба эти романа имели некоторый успех в Дании и большой – за границей. Между прочим, их перевели и охотно читали в Швеции, где произведения Андерсена делались все более и более популярны. «О.Т.» – произведение чисто юмористическое; «Только скрипач», напротив, отличается меланхолическим характером. Здесь изображает Андерсен пережитую им самим борьбу поэтической натуры с тяжелыми житейскими обстоятельствами. Оба эти романа были очень известны в свое время, но ни один не был так популярен, как «Импровизатор». На русский язык переведены «Импровизатор» и «Только скрипач».

Несмотря на сочувствие публики, положение Андерсена оставалось нелегким. За него раздавались открыто очень немногие голоса. Против него были почти все критики и многие литераторы, в том числе всеобщий любимец Хейберг, считавшийся непогрешимым. Он, когда-то поддерживавший Андерсена в качестве начинающего писателя, теперь относился к нему с замечательным недоброжелательством и немало способствовал умалению его значения в обществе. Нападки критики обратились наконец против самой личности Андерсена. В какой-то критической статье писателя упрекали в неблагодарности к его благодетелям, выставляя на вид сходство между его собственным положением и положением героя в романе «Импровизатор». На этот раз в защиту Андерсена выступил его бывший враг, поэт Палудан Мюллер, находя

неприличными инсинуации критика.

Один из друзей Андерсена, профессор университета, очень опытный в корректурном деле, предложил Андерсену прокорректировать его роман «О.Т.». Он сделал это самым добросовестным образом, желая избавить Андерсена от обычных придирок. Но и это не помогло. В одной из датских газет стояла фраза: «Обычные грамматические ошибки, свойственные Андерсену, находим мы и в этой книге».

– Нет, это уж слишком, – сказал профессор, – я был так же внимателен, как со своими собственными книгами. К вам явно несправедливы.

Подобных примеров можно насчитать много, но, несмотря на пристрастие критики, недоброжелательство литераторов и шаткость общественного мнения, легко поддававшегося различным влияниям, положение Андерсена в обществе было теперь все-таки гораздо лучше, чем до выхода в свет «Импровизатора».

Глава VI

Поездка в Швецию. – Скандинавские симпатии. – Стесненные обстоятельства. – Пожизненная пенсия. – Театральные пьесы. – Еще поездка в Швецию. – Овации в Лунде. – «Что рассказывал месяц». – Второе путешествие за границу. – «Базар поэта». – Андерсен в Копенгагене. – Внимание к нему короля. – Поворот к лучшему. – Счастливая жизнь в кругу друзей. – Особенности его характера. – Сказки.

В 1837 году Андерсен поехал в Швецию. Он посвятил этой поездке все лето и вынес из нее самое приятное впечатление. Его поразила живописность шведской природы, а радушный прием и сочувствие, встреченные им повсюду, оставили в его душе чувство живейшей благодарности. Андерсен завязал в Швеции не одно приятное знакомство. Между прочим, он встретился на пароходе с известной писательницей Фредрикой Бремер. Она не знала его произведений и только во время плавания прочла «Импровизатора», получив его из рук автора. Это послужило поводом к их сближению, так как роман чрезвычайно ей понравился.

В то время между Швецией и Данией было очень мало сношений. Все еще помнилась старинная вражда, и это разъединяло соседние нации. Андерсен находил большое сходство между датским и шведским языками и с удовольствием замечал, что шведы его понимают. Ему казалось, что Швеция есть не более как продолжение Дании; родство обеих наций бросалось ему в глаза, а радушный прием, встреченный им в Швеции, окончательно утвердил его в братских чувствах к этой стране. Под таким впечатлением он сочинил скандинавскую песню, начинавшуюся словами: «Мы все один народ, мы скандинавы». Эта песня очень понравилась в Швеции, но когда Андерсен вернулся на родину и песня сделалась известна его соотечественникам, ему сейчас же сказали: «По всему видно, что вас чествовали в Швеции». В то время еще не были в моде скандинавские симпатии, а несколько лет спустя, когда близость между скандинавскими народами вошла в моду, в Дании нашлись люди, которые говорили Андерсену, что скандинавская песня есть лучшее его произведение и переживет все, что он написал.

Через несколько лет после «Импровизатора» появился первый выпуск сказок Андерсена. Можно было бы подумать, что критики встретят сочувственно этот новый и совершеннейший род его поэзии. Но не тут-то было. Датские критики с сожалением говорили о том, что Андерсен впал в прежнее ребячество…

Помимо мелочных придирок и равнодушия критики, Андерсену приходилось терпеть также и от недостатка средств. Он жил одной литературой и получал самые жалкие гонорары. Так например, за «Импровизатора» ему было заплачено немногим больше ста рублей. Примерно так же платили ему и за другие произведения. Андерсену приходилось писать из-за денег, а это само по себе казалось ему противным; заработок его был так незначителен, что, желая как-нибудь увеличить свои средства, он пробовал, хотя и безуспешно, достать себе место при одной из библиотек. Из затруднительного положения помогли ему выйти старые друзья, Эрстед и Коллин, а также новый друг его, голштинский граф Ранцау-Брейтенбург. Граф Ранцау заинтересовался Андерсеном, прочтя «Импровизатора», и явился сам в убогую квартиру поэта, причем спросил его, не может ли быть ему чем-нибудь полезен. Тот в кратких словах описал свое затруднительное положение. Граф Ранцау обещал писателю свое содействие и вскоре выхлопотал ему у короля ежегодную пенсию в 200 рублей. Такие пенсии давались из государственных сумм бедным ученым, литераторам и художникам. Ими пользовались, между прочим, Эленшлегер, Ингеман, Герц и другие.

Теперь Андерсен мог жить спокойно, вполне отдаваясь своему призванию, так как знал, что у него есть верные средства на случай болезни. Он вздохнул свободнее, но испытания его еще не кончились. Особенно часто приходилось Андерсену терпеть неудачи при его попытках писать для сцены, тем более что в то время в копенгагенском театральном мире господствовали очень странные нравы, а дирекция продолжала относиться лично к Андерсену весьма недоброжелательно. По странно укоренившейся моде почти все новые пьесы, дававшиеся на копенгагенской сцене, освистывались на первом же представлении. Этой участи подвергались даже любимые авторы, такие, как Эленшлегер и Хейберг. Свистеть начинали часто прежде, чем поднимался занавес. Это вошло в обыкновение и сделалось какой-то своеобразной забавой. Всякое представление начиналось всеобщим свистом, затем в оркестре раздавались трубы. Если свистки не унимались, вмешивалась полиция. Удивительно еще, как мог держаться какой-нибудь репертуар при таком порядке вещей… В таких тяжелых условиях выступил Андерсен в качестве драматурга. Он писал в стихах и в прозе, пробовал свои силы и в комедии, и в драме. Большинство его пьес дирекция отсылала ему назад, те же, которые доходили до сцены, иной раз все-таки имели успех. Это показывает, что положение Андерсена в обществе до некоторой степени уже установилось в то время. Наибольший успех из того, что писал он для сцены в

тот период, то есть до 1842 года, имела пьеса, переделанная им из французской повести «Les épaves» и названная «Мулат». В день представления этой пьесы по городу были расклеены огромные афиши и у театральной кассы стоял длинный хвост. Но вследствие внезапной смерти короля Фредерика VI представление не состоялось, и пьеса дана была впервые уже по восшествии на престол Христиана VIII, в день открытия театров. Публика приняла пьесу Андерсена с восторгом. Ни одно произведение его не имело еще такого успеха, как эта драма. Вскоре она была переведена на шведский язык, и в шведских газетах и журналах появились о ней самые лестные отзывы. Андерсен еще раз отправился в Швецию, причем шведы отнеслись к нему даже лучше, чем при первых его посещениях. Между прочим, его пригласили осмотреть свой город студенты Лундского университета. Андерсен принял их предложение и был встречен необыкновенно радушно. В честь него говорились речи и провозглашались тосты. Вечером студенты устроили ему серенаду[3]. Это была первая овация, устроенная в честь Андерсена, а потому и неудивительно, что она произвела на него необыкновенно сильное впечатление. Поблагодарив студентов за оказанную ему честь и пожав руки ближайшим из стоявших около него, Андерсен ушел в свою комнату, забился в темный угол и дал волю душившим его слезам. Впоследствии он научился лучше владеть собою в подобных случаях, но все-таки никогда не был равнодушен к знакам внимания, которые получал много раз в своей жизни.

Когда Андерсен вернулся в Копенгаген, где совсем недавно имел большой успех, ветер уже переменился. Восторженный прием, оказанный ему шведами, возбудил зависть и насмешки. Кроме того, начались уже нападки на его пьесу «Мулат». Андерсену ставили в вину то, что он заимствовал ее сюжет, хотя другие писатели делали то же, и пьесы их не теряли от этого своей цены. Поэт Хейберг иронически заметил Андерсену:

– Когда я поеду в Швецию, вы должны быть со мной, чтобы и на мою долю выпала часть оваций.

Андерсен ответил ему на это:

– Поезжайте с вашей женой (она была известная актриса), тогда вам гораздо легче будет заслужить овации.

В 1840 году Андерсен написал новую книгу. Это был ряд небольших поэтических картинок, нечто вроде стихотворений в прозе. Книга называлась «Что рассказывал месяц». Она имела небывалый успех в Германии, была издана там несколько раз и распространилась еще более, чем его сказки, хотя много уступала последним. В Швеции и Англии ее сейчас же перевели, как и

другие книги Андерсена[4]. В Дании же на нее почти не обратили внимания. Литературные неудачи на родине и несправедливости со стороны соотечественников до последней степени расстраивали нервного и самолюбивого Андерсена. Друзья посоветовали ему ехать за границу. Торвальдсен назначил ему свидание в Риме. Андерсен собрал немногое, что накопил он за эти годы, и уехал.

Прошло семь лет со времени последнего путешествия Андерсена за границу, и за это время положение его сильно изменилось. Тогда он появлялся везде несмело, как безвестный начинающий писатель. Теперь имя его было известно повсюду, произведения его были очень распространены и благодаря им круг его знакомства расширялся необыкновенно быстро. На этот раз Андерсен ехал по железной дороге, которая только что проводилась. Он ехал через Лейпциг, где познакомился, между прочим, с Каульбахом и Мендельсоном-Бартольди. Последний особенно близко с ним сошелся, чему способствовал роман Андерсена «Только скрипач», который очень нравился знаменитому композитору. Андерсен явился знакомиться с Мендельсоном во время репетиции концерта в Геванд-гаузе; Мендельсон не хотел было говорить с ним, но, узнав, что перед ним стоит Андерсен, обнял его и повел в залу, а после репетиции – к себе домой обедать. С этого дня они сделались друзьями. Из Лейпцига Андерсен проехал в Гейдельберг, а оттуда через Тироль в Италию, куда стремился всей душой. В Рим он попал в декабре и тотчас же занялся осмотром картинных галерей, церквей и статуй, поджидая в то же время своего друга, поэта Хольста, который должен был вскоре к нему присоединиться, чтобы вместе путешествовать по стране. Андерсен заранее радовался как ребенок при мысли, что ему предстоит показать другу свою милую Италию. Но на этот раз ему не повезло. В Риме было очень сыро и холодно. Андерсен страдал от отсутствия печей и испытывал все неудобства итальянских помещений, не приспособленных к холоду. У него сделались лихорадка и сильная зубная боль. Он целые дни просиживал у камина в теплых сапогах. Впоследствии эти обстоятельства послужили сюжетом для сказки «Мои сапоги». Такова необыкновенная живость его фантазии. Нужно быть Андерсеном, чтобы сочинить сказку из зубной боли и теплых сапог. Хольст приехал перед самым карнавалом. Его приезд очень ободрил Андерсена, сильно приунывшего за это время. Между прочим, его смущали неприятные письма с родины, мало отличавшиеся от тех, которые он получал в Риме семь лет тому назад. Андерсен начинал думать, что вечный город приносит ему несчастье. В письмах

говорилось, будто его новая пьеса «Мавританка», написанная на этот раз на самостоятельный сюжет, была освистана, что впоследствии оказалось неправдой. Кроме того, до Андерсена дошли слухи, что Хейберг, с которым он расстался в очень плохих отношениях, написал стихотворение, где, как выразился кто-то из его соотечественников, «Андерсена по обыкновению утопили в воде». Андерсен не читал стихотворения и не знал, в чем заключается направленная против него насмешка. Эта неизвестность еще более усиливала его беспокойство. Он ожидал всего худшего и сильно упал духом, так что пребывание его в Риме было отравлено. Впоследствии Андерсен узнал, что он напрасно боялся стихотворения Хейберга. Намек на него был самого невинного свойства, а стихи показались ему прекрасными. Тем не менее они причинили ему в Риме много неприятных минут.

В феврале Андерсен уехал из Рима в сопровождении двух своих друзей, Хольста и Роте. Все трое отправились в Неаполь. Там было тоже очень холодно, и Андерсен окончательно разболелся. Лихорадка и нервное состояние его достигли апогея. Из Помпеи, куда друзья уже успели добраться, пришлось вернуться в Неаполь; Андерсен приехал туда в ужасном виде. Хозяин отеля, где он остановился, нашел нужным пустить ему кровь, что и подействовало на него самым лучшим образом. Через неделю Андерсен поправился настолько, что мог ехать дальше. Он предпринял длинное путешествие, а именно из Неаполя отправился на пароходе в Сицилию, затем в Грецию и Константинополь, завернул в Сербию и вернулся в Данию через Австрию и Германию. Он побывал в Вене, Праге и Дрездене и приехал в Копенгаген через Оденсе.

Путешествие свое Андерсен описал в книге «Базар поэта», разделенной на несколько частей по числу стран, которые он посетил. Каждая часть была посвящена кому-нибудь из его друзей.

За границей эта книга имела успех, но датская критика отнеслась к ней очень странно. Андерсену делали совсем бессмысленные замечания, его попросту ловили на словах и придирались к его поэтическим выражениям, доискиваясь их буквального смысла или не понимая самых простых вещей. Между прочим, его упрекали в самомнении, потому что в одном месте он говорит: «Если бы я был художником, то нарисовал бы эти мосты и башни, но я не художник, а поэт, а потому только пытаюсь писать вариации в лирическом стиле». «Как можно говорить про себя „я поэт“. Это нескромно», – упрекали его рецензенты.

Несмотря на значительную литературную известность, доставившую Андерсену внимание самого короля, ему нередко приходилось терпеть унижения из-за своей бедности и низкого происхождения. Король Христиан VIII, который знал его еще будучи принцем, открыто выказывал ему свое расположение. Тем не менее высшее общество продолжало относиться к Андерсену свысока. Случилось раз, что во время представления пьесы Андерсена король поклонился ему из ложи.

– Вам кланяется король, – шепнул ему сидевший рядом Торвальдсен.

Андерсен не поверил ему, но, взглянувши в королевскую ложу, увидел, что король опять ему кланяется. Тогда Андерсен понял, что приветствие относилось к нему, но не отдал поклона, боясь, что движение его будет дурно истолковано его врагами. На другой день он пошел к королю и лично поблагодарил его за внимание. Через несколько дней после этого он получил приглашение на дворцовый бал, устраиваемый для разных классов общества. Андерсен говорил об этом бале у одного ученого.

– Что вы будете там делать? – спросил его тот.

– Это тот круг, где меня лучше всего принимают, – шутя отвечал Андерсен.

– Но вы к нему не принадлежите, – резко ответил ученый.

Андерсен сделал вид, что не замечает укола, и ответил, смеясь:

– Если король сам кланяется мне из ложи, то я могу быть у него на балу.

– Кланяется вам из ложи? – удивился ученый. – Но это еще не дает вам права выставляться.

– Но ведь на этом балу будут люди всех сословий, значит и того, к которому принадлежу я, – там будут студенты, – ответил Андерсен.

– Да, но какие? – спросил ученый.

Андерсен назвал одного из его родственников.

– Еще бы! Ведь он сын статского советника. А кто был ваш отец?

– Мой отец был простой мастеровой, – ответил Андерсен, – а я с помощью Божией сам завоевал себе то положение, которое у меня есть, и вы, кажется, могли бы это уважать!

В это время Андерсену было уже далеко за 30 лет, и вот как третировали его в том самом кругу, который он по праву мог бы считать своим.

Но поворот к лучшему, начавшийся, как мы уже говорили раньше, со времени выхода в свет «Импровизатора», был заметен.

Круг знакомых Андерсена все расширялся. Он приобрел много новых друзей и все больше сближался со старыми. Свободнее всего чувствовал он себя в семействе Коллина, особенно в доме одного из женатых его сыновей. Его молодая жена, веселая, живая и милая женщина, была в самых дружеских отношениях с Андерсеном. Андерсен играл с ее детьми и всегда охотно проводил время в ее доме. Затем, он относился очень хорошо к Эрстеду, но ближайшим его другом был композитор Гартман, с которым он виделся ежедневно. В 1830 году приехал в Копенгаген Торвальдсен. Город устроил ему необыкновенно торжественную встречу. Скульптора приняли с великим энтузиазмом, и с тех пор он жил в Дании, окруженный почетом. Быть его другом считалось большой честью. Андерсен принадлежал к числу этих счастливцев. Отношения между ним и Торвальдсеном вплоть до смерти последнего оставались самыми теплыми и задушевными. Они виделись очень часто и взаимно любили и уважали друг в друге истинных художников, сердечных и честных людей. Торвальдсен был человек открытого и веселого нрава, мужественный и здоровый по натуре. Андерсен очень высоко ставил его как скульптора, а Торвальдсен являлся большим поклонником таланта поэта. Живя в Копенгагене, оба часто встречались в театре. Андерсен имел там в партере, среди людей высшего общества, почетное место по праву писателя, поставившего три пьесы. Он ходил в театр каждый вечер. Это был для него своего рода клуб, где он встречал всех знакомых литераторов, ученых и людей из общества. Чаще всего соседом его оказывался Торвальдсен. Андерсен искренно любил своего знаменитого друга, но, без сомнения, ему также очень льстило внимание великого человека. Вообще Андерсен был далеко не бесчувствен к разного рода отличиям и к милостям сильных мира сего. Он встречался с Торвальдсеном также в имении баронессы Штампе Низоэ. В этом аристократическом семействе он был принят как дорогой гость и проживал иногда целые месяцы в прекрасном имении баронессы. Там же часто живал и Торвальдсен, которого окружали величайшим вниманием. Оба друга охотно работали в прекрасной обстановке деревенского приволья, соединенного с комфортом и приятным обществом.

В Низоэ, так же как и в других богатых домах, где бывал Андерсен, его принимали действительно хорошо и обращались с ним не так, как с бедным малым, которого нужно накормить обедом и поскорее от него отделаться. Его ценили как замечательного человека с исключительным поэтическим талантом. Вероятно, в этих аристократических семействах и выучился Андерсен тому светскому такту, который впоследствии

делал его столь желанным гостем при разных мелких дворах. Его импровизаторский талант часто оказывал ему большие услуги. Он очень удачно сочинял стихи и песни, подходящие к случаю, и развлекал этим общество. Эта способность Андерсена сильно забавляла веселого и добродушного Торвальдсена, и Андерсен нередко доставлял подобного рода невинные удовольствия старому скульптору, до самой смерти не потерявшему бодрости и веселости.

Дни, проведенные Андерсеном в гостеприимных аристократических домах среди природы, были едва ли не лучшими в его жизни. Среди природы Андерсен чувствовал себя в своей стихии. Здесь его душа приходила в равновесие, и он всего свободнее предавался творчеству. В городе, особенно в Копенгагене, многое было не по нем: докучливые критики, завистливые собратья по искусству, тысячи неприятностей и, наконец, политика, которой никогда не интересовался Андерсен – этот чистейшей воды поэт и притом оптимист, искавший в жизни и в людях только доброе и прекрасное, что делало его самым настоящим космополитом, самым широким гуманистом. Потому, может быть, ему и не было никакого дела до политики. Всем сердцем любя свой народ и родину, он не считал, однако, Данию первой страною в мире. И как друг всего человечества, мог бы он сказать от души вместе с Шиллером: «Обнимитесь, все народы. Ниц падите, миллионы. Чувствуешь Творца ты, мир?» Сам он говорил про себя: «Политика – не мое дело. Бог дал мне другое назначение. Я всегда это чувствовал. На озерах, в лесах, на зеленых полях, где выступает аист на своих красных ногах, я не слышал ни о политике, ни о Гегеле, и никто не вступал со мной в полемику. Природа вокруг меня указывала мне на мою миссию».

В этом излюбленном уединении среди природы написал Андерсен роман «Две баронессы» и многие из своих сказок. Первый выпуск сказок вышел вскоре после «Импровизатора»; на следующий год он издал второй выпуск, и так далее. Сказки эти были оценены не сразу. Долго еще датские критики сожалели о том, что Андерсен тратит свое время на детскую литературу, но мало-помалу и в Дании появились настоящие ценители этого совершеннейшего рода андерсеновской поэзии. Сам поэт с годами все больше и больше входил во вкус сочинения сказок. Время от времени он еще писал комедии, которые теперь имели успех, написал биографии своих друзей Гартмана и Торвальдсена, описывал свои путешествия, но все это бледнеет перед его сказками. В них-то и выявилась вся свежесть и прелесть его таланта. В них развертывается бесконечное богатство его фантазии, проявляется вся сила и глубина его поэзии, идеальная

чистота души и теплота его сердца. Милые, живые сцены, полные добродушного и тонкого юмора, переплетаются с восхитительными картинами природы, которая так кстати вмешивается у Андерсена в человеческую жизнь. Мысли его – то глубоко трогательные, то игриво-грациозные – всегда гуманны и отличаются простотой и ясностью. Туманность, недоговоренность несвойственны Андерсену. Каждая сказка его, хотя бы самая коротенькая, выражает нечто определенное и законченное. При этом язык его образен и совершенно прост. Андерсен рассказывал свои сказки тем самым языком, каким рассказывал их детям, но писал их не для детей. Сам он находил, что они доступны детям только по форме, внутренняя же сторона их может быть понята лишь взрослыми. Такого же мнения и мы. Несмотря на то, что многие дети любят сказки Андерсена, по крайней мере некоторые из них, эти сказки не могут быть ими поняты. Сказочные приключения и какие-то подробности обстановки всегда интересны для детей, их пленяет также необыкновенная живость рассказа, но соль сказки, тонкая мысль, скрытая в ее образах, для них пропадает. Ну где понять ребенку глубокую сатиру на человеческую пошлость, скрытую в сказке «Принцесса и свинопас»? Увы, этой сказки не поймут даже многие из взрослых! Мы не говорим уже о таких сказках, как «Психея» и «Под ивой». Эти романические повести, разумеется, совсем недоступны детскому пониманию.

В угоду общественному мнению Андерсен часто называл тот или другой выпуск своих сказок «Рассказами для детей», но вскоре совсем оставил это вынужденное название и озаглавливал свои выпуски просто – «Сказки и рассказы». Андерсен всегда любил читать вслух свои произведения, но с тех пор, как начали появляться его сказки, он читал еще охотнее. Такие маленькие вещицы, как сказки Андерсена, особенно удобны для чтения вслух, читал же Андерсен необыкновенно хорошо, поэтому слушание его сказок из уст самого автора сделалось любимым развлечением его знакомых. Скоро вошло в моду читать сказки Андерсена на сцене, что делали многие известные артисты, и, конечно, это еще более способствовало их распространению. Сказки и создали Андерсену окончательно ту популярность, которой он пользовался при жизни в таких широких размерах; эта популярность, в соединении с громадным кругом друзей и знакомых, бывших у него во всех концах Европы, составляла главную прелесть его жизни, то счастье, о котором он столько говорит в своей автобиографии. И в самом деле, что стал бы делать одинокий, бессемейный человек, если бы у него не было такого множества друзей и знакомых? При желании он мог бы

никогда не оставаться один, что, конечно, не входило в его расчеты. Общительный по натуре, он был слишком глубокий поэт и мечтатель, чтобы до некоторой степени не любить уединения.

Мы проследили теперь биографию Андерсена до середины его жизни, даже несколько долее, так как он жил 70 лет, и можем сказать, что юность его была печальна и горька. Он долго жил подаянием, и это нелегко ему давалось. Его поздние школьные годы полны лишений и омрачены тяжелой зависимостью. Его первые шаги на литературном поприще были неудачны, редкие успехи, выпадавшие на его долю, отравлялись недоброжелательством и завистью. Долго бился Андерсен, прежде чем завоевал себе прочное место в литературе. И вот в зрелом возрасте, когда талант его окреп и вышел на настоящую дорогу, популярность его начала возрастать с необыкновенной быстротой. Вся вторая половина жизни Андерсена представляет собой ряд счастливых лет. Число поклонников его таланта постоянно возрастало. Сначала он видел доказательства этого главным образом за границей, преимущественно в Германии и Англии, но потом и упрямая Дания сложила оружие перед его талантом. Несмотря на то, что некоторые из датских писателей и критиков до конца своей жизни оставались врагами Андерсена, общий голос был в его пользу.

Глава VII

Андерсен в славе. – Еще несколько слов о его сказках. – Поэма «Агасфер». – Автобиография Андерсена. – Его немецкие друзья. – Война 1848 года. – Необыкновенная популярность Андерсена за границей. – Страсть его к путешествиям. – Некоторые черты его характера. – Отношение к женщинам.

Дойдя до того момента, когда талант Андерсена окончательно созрел и был признан, мы не будем уже следить за его жизнью шаг за шагом, как делали раньше. Можно сказать, что с этих пор его жизнь становится однообразна в своем разнообразии. Почти ежегодные путешествия, прекрасный прием во всех странах, всевозможные чествования, внимание высокопоставленных особ, любезные письма, ордена, лестные приглашения и время от времени новые книжки сказок – вот общая картина жизни Андерсена за последние 30 лет его существования. Его жизнь в Копенгагене и в деревенских домах аристократических друзей, уже описанная нами, шла своим чередом в промежутках между его многочисленными поездками. Андерсен бывал много раз в Германии и Швеции, посещал Париж и Швейцарию, был еще два раза в Италии и в Англии, объездил Испанию, Португалию и Голландию. Таким образом, он объездил всю Европу и не был только в России, что просто удивительно при его страсти к путешествиям. Почти каждое путешествие свое описывал он в особой книге. Эти книги сами по себе не имеют большого значения, но в них попадались иногда прекрасные сказки, которые впоследствии присоединялись к тому или другому тому по мере того, как он издавался. Мы не будем разбирать сказок поэта отдельно и подвергать их обстоятельной критике. Это повело бы нас слишком далеко и заставило бы переступить рамки настоящего очерка. Упомянем только о том, как возникали эти сказки. Первый выпуск сказок Андерсена, изданный под названием «Сказки для детей», вышел в свет в 1835 году, второй – в 1836, и так далее. Первые его сказки были «Огниво», «Спутник», «Маленькая морская царевна», «Цветы маленькой Иды», «Новое платье короля» и так далее. Почти всякий год выходило несколько новых сказок, иногда по одной, иногда по нескольку зараз, и по мере накопления они издавались особым томом. Сюжет некоторых сказок Андерсен заимствовал из народных преданий и песен, придавая им только свою окраску и форму; сюжетом других были рассказы, слышанные в детстве от госпитальных старух, но очень многие сказки являлись плодом фантазии самого автора. Достаточно было самого пустого повода,

чтобы в голове Андерсена зародилась мысль, которую он облекал в сказочную форму. Часто на него действовала определенная обстановка и природа. Он сочинял и писал под впечатлением какой-нибудь местности. Так сочинена известная его сказка «Ледяная дева», написанная в Швейцарии, на месте ее действия. «Психея» написана в Риме, «Медный кабан» – во Флоренции или вскоре после пребывания там Андерсена. Некоторые сказки зародились в его голове вследствие какого-нибудь рассказа или слов, слышанных в детстве. Так написана прекрасная сказка «Она никуда не годилась», построенная на разговоре его матери, пожалевшей какую-то бедную соседку. Многие положения и лица в сказках взяты Андерсеном с натуры. Все окружающее наводило его на те или другие мысли; не только люди и животные, но и неодушевленные предметы имели для него значение живых существ. Кто не восхищался его милыми сказками «Стойкий оловянный солдатик», «Кубарь и мячик», «Уличный фонарь», «Свинья с деньгами» и так далее. Всякая мебель, всякая вещь, находящаяся в комнате, обретает под его пером неповторимые черты: кажется, что именно так должен говорить и чувствовать оловянный солдатик, а так воротничок или мячик…

В 1846 году Андерсен жил летом с Торвальдсеном в поместье Низоэ. Как-то раз прочел он вслух свои сказки «Гадкий утенок» и «Влюбленная парочка». Торвальдсен пришел в восторг и воскликнул:

– Ну-ка, напишите нам еще какую-нибудь забавную вещицу. Ведь вы можете написать сказку даже про штопальную иголку!

И Андерсен написал свою известную «Штопальную иглу». Это одна из лучших его сказок, замечательная по тонкому юмору и по жизненности подробностей.

Раз на пароходе по дороге в Ливорно у Андерсена оказалась монета, которую никто не хотел брать, принимая ее за фальшивую. Сначала Андерсена огорчила эта потеря, но потом ему пришла в голову сказка «Серебряная монета», и он совершенно утешился. Таким способом утешался Андерсен иногда и в случаях более серьезных, чем потеря франка. Не одни только явления обыденной жизни служили Андерсену темой для сказок. Он отзывался на все крупные явления исторической жизни и современного ему культурного и научного прогресса. Таковы его сказки «На дюнах» и «Вольдемар и его дочери», написанные на исторические темы, и связанные с современной общественной жизнью «Подводная змея» и «Дриады».

После второй своей продолжительной поездки за границу Андерсен задумал большую поэму с философской подкладкой, где хотел представить мировую историю. Поэма называлась

«Агасфер» и написана в смешанной форме: отчасти в стихах, отчасти в прозе. Произведение это стоило Андерсену немалого труда. Он много читал, основательно занимался историей всех стран, но все-таки поэма не удалась. Друг его Эленшлегер, заранее предсказывавший ему неуспех, оказался совершенно прав. Этот сюжет был не по плечу Андерсену.

В 1846 году в Италии во время страшного летнего жара Андерсен начал писать свою автобиографию, известную под названием «Сказка моей жизни». Эта автобиография, которую он писал и в Дании, и во время путешествий, составляет два больших тома и заключает в себе богатейший биографический материал. Она доведена до последнего года его жизни. Лучшая часть ее относится к детству Андерсена, к неудачам и превратностям его судьбы. Здесь попадаются прекрасные страницы. Вторая часть биографии Андерсена вышла в его передаче гораздо бледнее. Автобиография эта, представляющая значительный интерес, имеет большие недостатки. Самое существенное в автобиографии всякого замечательного человека – правдивость и искренность тона. Первая часть автобиографии Андерсена, или, лучше сказать, ее начало, дышит правдой и глубоко прочувствована; вторая же половина при очевидной достоверности фактов написана формально, поверхностно и едва ли вполне искренно. Дело в том, что автобиография с самого начала предназначалась для публики и притом писалась не с целью охарактеризовать известное время или общество. Упоминая об огромной массе лиц всякого звания и положения, начиная с писателей и кончая коронованными особами, Андерсен имел в виду, что все они прочтут его произведение в оригинале или в переводах. Поэтому суждения его о них всегда более или менее хвалебны и очень поверхностны. Без сомнения, Андерсен видел много теплоты и по меньшей мере любезности со стороны своих бесчисленных друзей и знакомых, рассеянных по Европе, так что говорить о них что-либо дурное было бы неловко. Правда и то, что Андерсен обладал большой долей наивности и редкой снисходительностью, но тем не менее странно и даже досадно видеть в его автобиографии одну и ту же характеристику совершенно разных лиц. Все они одинаково интересны, любезны, умны, талантливы и вообще – прекрасные люди. Если выбрать из автобиографии Андерсена литературные портреты выдающихся деятелей разных стран, и притом совершенно различных по характеру, то разница окажется самая незначительная. В конце концов выходит так, что Виктор Гюго, Шамиссо и Гейне, Лист, Мендельсон и Шуман, Каульбах и граф Генсборо – все они одинаково обязательные и милые люди и отличаются друг от

друга только тем, что один из них сочиняет стихи, другой пишет картины, третий сочиняет музыкальные пьесы, четвертый занимается дипломатией. Когда читаешь вторую часть автобиографии Андерсена, то устаешь наконец от избытка имен с прибавлением слов «любезный», «почтенный», «умный» и так далее. Исключение в этом случае выпало на долю немногих, особенно если принять в соображение длинный ряд лиц, о которых упоминается в книге. Более живыми вышли в передаче Андерсена Диккенс, отчасти Рашель и Мендельсон-Бартольди. Еще можно упомянуть о Йенни Линд, занимающей особое место в его воспоминаниях. Со всеми этими «любезными» и «почтенными» Андерсен был в переписке, которая разрослась в последние годы его жизни до необычайных размеров. Между своими многочисленными корреспондентами Андерсен более других ценил Диккенса, с которым он, по-видимому, действительно сблизился и к которому чувствовал особую симпатию. Андерсен по неделям живал у Диккенса и описывал свое пребывание у него несравненно теплее и живее, чем многое другое в своей разнообразной скитальческой жизни.

Во время странствий своих Андерсен очень сошелся с несколькими немецкими семействами и вообще пользовался в Германии особенной любовью. Даже война 1833 года не испортила их отношений, и хотя Андерсен в это печальное для его родины время выказал себя горячим патриотом, но не изменил своему космополитизму и все время сожалел о том, что Дания воюет с немцами, которые были ему особенно симпатичны. Тем не менее он несколько лет не входил ни в какие сношения со своими голштинскими и немецкими друзьями. Только через много лет после заключения мира он снова поехал в Германию. Ему было все-таки очень тяжело ехать по местам, служившим театром войны… Популярность Андерсена за границей была удивительна. К нему очень часто подходили знакомиться, узнавая его по портрету. Матери подводили к нему своих детей, мечтавших пожать ему руку и услышать от него хоть одно слово. Едва знакомые люди затаскивали его с улицы к себе в дом, чтобы показать детям, которые упрашивали рассказать им хоть одну сказку. Но особенно лестно было Андерсену, когда он слышал, что книги его имеют влияние. В одном месте его встречали особенно хорошо, потому что обязаны были своим семейным счастьем какому-то из его романов, в другом месте он узнал, что некая дама, прочтя его роман «Только скрипач» и заинтересовавшись печальной судьбой героя, решила, что она поможет получить музыкальное образование хотя бы одному бедному мальчику, имеющему склонность к музыке. Андерсен

сам слышал игру ее воспитанников и мог убедиться, что книга его принесла непосредственную пользу.

Замечательно, что Андерсена читали и любили люди всех сословий. Мы расскажем два анекдота, служащие поразительным доказательством его популярности как человека и писателя. Путешествуя по Шотландии, он оставил в отеле на берегу одного из озер пальмовую палку, вывезенную из Неаполя, которой он очень дорожил. Между тем пора было садиться на пароход. Андерсен не имел времени пойти за палкой и поручил своему знакомому переслать ее в Данию. Он доехал до Эдинбурга и на другой день собирался уже отъезжать на пароходе в Лондон. Каково же было его удивление, когда кондуктор поезда, незадолго перед отходом парохода приехавшего из Шотландии, подошел к нему, очевидно узнавши его в толпе, подал ему его палку и с улыбкой проговорил: «Она отлично доехала одна». К палке была прикреплена маленькая дощечка с надписью: «Датскому писателю Гансу Христиану Андерсену». Она, очевидно, переходила из рук в руки и так нашла дорогу к своему владельцу, причем сначала ехала на пароходе, потом в дилижансе, затем опять на пароходе и наконец в вагоне железной дороги. Можно себе представить, как тронуло это обстоятельство Андерсена.

Но еще более поразительный случай произошел в Америке. Одна знакомая дама писала Андерсену, что ее племянник, служивший где-то в очень дикой части Америки, нашел, охотясь в лесу, дом, где была всего одна книга: «Сказки Андерсена». И книга эта стала для него большим утешением в его одиночестве.

Внимание, которым окружали Андерсена во время его путешествий за границей, поистине удивительно. В его честь устраивались праздники, ему делали подарки, с ним знакомились необыкновенно охотно и принимали его с первого раза как давно знакомого и дорогого человека. Раз в Риме в день его рождения какая-то дама сделала ему необыкновенно трогательный подарок. Она прислала ему букет «из сада импровизатора», то есть действительно из сада, описанного в романе Андерсена, действие которого происходит главным образом в Риме. Такой необыкновенный успех за границей был, конечно, одной из главных причин страсти Андерсена к путешествиям, тем более что в Дании ему еще долго приходилось испытывать на себе доказательства обидного и непонятного недоброжелательства. В 1847 году он побывал в Англии, где его приняли необыкновенно радушно. Не было конца любезностям и почету, которыми окружали его англичане. На возвратном пути он встретил где-то своих соотечественников, приветствовавших его таким образом:

– Ах, это вы, Андерсен! Если бы вы видели, как смешно

представлено ваше путешествие по Англии в «Корсаре» (юмористический журнал)! Уморительно! Вы изображены в лавровом венке на голове и с кошельком в руках.

Это было первое приветствие родины после опьяняющего успеха за границей. Но далее его ожидала еще одна, худшая обида. Приехав в Копенгаген, он остановился у открытого окна своей квартиры и смотрел на улицу. Мимо шли два прилично одетых господина. Один из них засмеялся и сказал, указывая пальцем на Андерсена:

– Смотри, вот наш знаменитый иностранный орангутанг!

Худощавая высокая фигура Андерсена с длинными руками, быть может, действительно немного напоминала обезьяну, но сколько же нужно грубости и недоброжелательства, чтобы бросить ему в лицо подобную фразу! Понятно поэтому, что Андерсен страстно любил путешествовать и считал путешествие лучшим лекарством от всех зол и несчастий. Во время своих скитаний по свету он забывал все горькое, что приходилось ему испытывать дома, и возвращался освеженный, с запасом новых сил и впечатлений.

Единственная неприятность, неизменно сопровождавшая Андерсена во время его заграничных поездок, – это вечное затруднение с паспортами.

В числе почестей, сыпавшихся на Андерсена в последние годы его жизни, было множество орденов от разных государей. Первый орден, который он получил, – немецкий, а именно прусский орден Красного орла, пожалованный ему в 1846 году королем Фридрихом Вильгельмом; второй он получил от датского короля, третий – от шведского, и так далее. В 1851 году Андерсена сделали профессором, затем статским советником и конференц-советником.

Все эти знаки отличия доставили Андерсену большое удовольствие. Не подлежит никакому сомнению, что он был не только очень самолюбив, но и тщеславен. Эту недостойную слабость особенно странно видеть в человеке, который так осмеивал ее в своих произведениях и выказывал столько презрения к преимуществам богатства и высокого положения. Увы, в жизни он был далеко не таким философом и чувствовал сильное пристрастие ко всякому внешнему блеску и величию.

Андерсен пользовался большим расположением датских королей, в царствование которых протекла его жизнь, и являлся желанным гостем при дворе многих иностранных государей и принцев. Он читал им свои произведения и охотно участвовал в придворных празднествах, прогулках и увеселениях. Такое препровождение времени казалось ему роскошным сном,

волшебной сказкой и доставляло какую-то детскую радость. Так же точно радовался он орденам и не идущему ему титулу конференц-советника. В его письмах к эрцгерцогу Саксен-Веймарскому выражается такое благоговение, такое искреннее, бесхитростное восхищение, которые даже странно видеть в зрелом человеке, испытанном жизнью. Такова натура Андерсена. В нем до самого конца оставалось много детского.

Друзья упрекали его в самомнении, но едва ли они правы: это было скорее наивное самодовольство, которое при меньшей экспансивности Андерсена, вероятно, не бросалось бы в глаза до такой степени. Между прочим, он очень любил играть роль в обществе и часто говорил речи, причем в кругу знакомых делал это вполне свободно, но перед публикой сильно волновался и, по-видимому, не был в себе уверен, особенно вначале, когда не привык еще к роли знаменитого писателя.

Вообще близкие друзья Андерсена, кроме Торвальдсена и Гартмана, склонны были относиться к нему очень критически и говорили ему часто горькие истины вроде следующих: «Вы хороший человек, но вы о себе ужасно высокого мнения». Несмотря на разные недостатки, приписываемые Андерсену, его очень любили в обществе. Необыкновенная живость, сообщительность и редкий талант рассказчика делали его чрезвычайно интересным собеседником. Рассказывая про свои путешествия, он весь преображался, само лицо его менялось и казалось почти красивым благодаря тем переживаниям, которые его освещали. Вообще Андерсен любил говорить и говорил очень легко, так же как и писал. При этом он с необыкновенной легкостью сочинял стихи. Поэт Эленшлегер, произведения которого Андерсен любил до страсти, говорил про него, что он слагал плавные и красивые стихи раньше, чем научился писать и читать.

Неудивительно, что при нежном сердце и ясном взгляде на жизнь он приобрел такую массу друзей. Прибавим еще, что, несмотря на всемирную известность, на почетные титулы, ордена и постоянные сношения с высокопоставленными особами, Андерсен всегда оставался простым человеком, доступным для всех, и среди разных чествований, от которых у него буквально кружилась голова, особенно любил вспоминать про то время, когда бегал в дырявых сапогах по улицам Копенгагена, питался чем Бог пошлет и читал книжки, купленные на последние гроши у букинистов. Эти воспоминания наполняли его душу умилением и глубокой благодарностью к людям и к Богу, в которого он горячо верил. Несмотря на его наивное благоговение перед высокопоставленными особами, он особенно ценил, когда ему

выражали симпатию люди из народа. Так, Андерсену очень приятно было узнать, что кучер одного из его знакомых пришел в хорошее расположение духа, побывавши на представлении пьесы Андерсена, в которой проводилась та мысль, что бедные люди могут быть не менее счастливы, чем богатые. Еще больше удовольствия доставил Андерсену один бедный мастеровой, подошедший к нему в театре после представления его пьесы. Мастеровой пожал ему руку и сказал: «Спасибо, господин сочинитель Андерсен, какая поучительная и хорошая пьеса!» Андерсен говорил, что эти слова лучше самых блестящих оваций. Прибавим еще последнюю черту к нашей характеристике Андерсена: его бескорыстие. Едва ли найдется много людей, которые бы меньше его думали о своих выгодах при сношениях с влиятельными и высокопоставленными лицами. То немногое, что имел он помимо заработка, то есть пенсия, получаемая им сначала в размере 200 рублей, а потом увеличенная почти до 1800 рублей, досталось ему стараниями его друзей или по личному желанию короля. Андерсен просил только раз в жизни, когда нуждался в путевой стипендии, причем действовал почти против желания и очень неловко.

Конечно, при его скромных требованиях и отсутствии семьи ему было достаточно этой пенсии и доходов с книг и пьес, но он проживал почти все, что у него имелось. Без сомнения, большая часть денег уходила на путешествия. При этом он доставлял себе иногда удовольствие повезти на свой счет за границу кого-нибудь из друзей. Нужно думать, что Андерсен немало помогал бедным, хотя он нигде об этом не упоминает и говорит только о массе получавшихся им письменных просьб. Вероятно, эти письма не всегда оставались без ответа. Другой на его месте, может быть, сумел бы даже составить себе порядочное состояние, но Андерсен не принадлежал к тем, кто способен копить. Он никогда не был богат, а если получал неожиданные деньги, то ехал лишний раз за границу и брал с собой кого-нибудь из близких друзей. Однажды, когда у него не хватило денег, он не задумался продать свои ордена… События последних тридцати лет его жизни заставили Андерсена забыть впечатления прежних обид. Он считал себя необыкновенно счастливым человеком. Вот какими словами начинается его автобиография:

«Моя жизнь – прекрасная, роскошная сказка. Если бы в то время, когда я вступил в свет маленьким, бедным, одиноким мальчиком, ко мне явилась всемогущая фея и сказала: „Выбирай свою цель и направление, а я буду тебя наставлять и защищать“ – моя судьба не могла бы быть счастливее, умнее и лучше. Моя жизнь скажет миру то же, что она сказала мне: есть милосердный

Бог, который все приводит к лучшему».

Последняя фраза особенно характерна для Андерсена. Светлый и радостный оптимизм ее можно проследить во всех его произведениях. Он не верил ни во что окончательно дурное и находил, что все хорошо кончается. Даже сказка его «Ледяная дева», несмотря на свой крайне печальный конец, завершается фразой: «Все к лучшему».

Автобиографию свою он писал в лучший период своей жизни. Этим и объясняется отчасти ее светлый характер. Но все же другой на его месте вряд ли выказал бы такую ясность и мягкость души, какую сохранил Андерсен до конца своих дней, несмотря на все, что ему пришлось перенести в первую половину жизни. Нужно было иметь всю его незлобивость, всю созерцательность и чистую отвлеченность его натуры, чтобы не очерстветь сердцем от тысячи неудач и уколов, которые терпело его чувствительное самолюбие.

Между прочим, может показаться странным, что Андерсен не страдал от отсутствия семьи. У него были братья и сестры по духу, были люди, к которым он относился как к родителям. Что же касается его отношений к женщинам, то они носили совсем особую окраску. Сам он упоминает только об одной привязанности к женщине. Это была его первая несчастная любовь, которую Андерсен долго не мог забыть. Он не имел успеха у женщин. Они смотрели на него как на милого товарища, брата, и только. Андерсен был слишком женствен по натуре, чтобы возбуждать к себе иные чувства. Без сомнения, ему вредила также некрасивая наружность. В молодости Андерсен, вероятно, страдал от такого отношения к себе женщин, но потом свыкся с ролью их друга и вполне довольствовался своим положением. Его взгляд на женщин отличался возвышенным, идеальным характером. Он глубоко уважал женщин и особенно ценил в них чистоту, сердечность и чуткость. Как и во всем остальном, в отношении Андерсена к женщинам всегда преобладала духовная сторона над материальной. В жизни он был такой же идеалист и романтик, как и в своих произведениях.

Из всех женщин, имевших влияние на Андерсена, первое место занимала известная шведская певица Йенни Линд. Андерсен познакомился с ней в Копенгагене, когда она приезжала туда в первый раз. Они встретились у общих знакомых. В тот раз она не показалась ему замечательной как женщина, но сразу поразила его своим пением и драматическим талантом. Ни одна певица не производила на него такого сильного впечатления. Восхищала она его также как актриса, умеющая соединять женственную грацию и чистоту с драматизмом, глубокой

жизненной правдой и простотой. Но больше всего ценил он в ней страстную любовь к своему искусству. Йенни Линд была весталкой искусства, как выражается Андерсен. Чистота ее жизни и возвышенность характера действовали на Андерсена до того обаятельно, что, по его словам, только глядя на нее, он научился ценить искусство так высоко, как оно им ценилось. Йенни Линд очень любила Андерсена, называла его братом и при встречах с ним в Дании и за границей выказывала ему всегда самые дружеские чувства. Между прочим, она была большой поклонницей его таланта. Отношение к ней Андерсена было совершенно исключительное. Оно похоже на почтительную и восторженную любовь человека, не имеющего никакой надежды на взаимность и поклоняющегося прекрасной звезде, облагораживающей и вдохновляющей его своим сиянием. Мы думаем, что только особая деликатность и стыдливость, свойственные женственной натуре Андерсена, заставляют его умалчивать о том, что именно такое чувство внушала ему эта необыкновенная женщина, представляющая редкий тип истинной артистки, для которой искусство было святыней и которая сумела сохранить идеальную чистоту на театральных подмостках.

Чтобы довершить картину отношения Андерсена к женщинам, мы считаем уместным рассказать один маленький анекдот, случившийся с ним в Париже. Однажды Андерсен отправился в знаменитый Баль-мабилъ, где провел не более четверти часа. Какой-то знакомый указал ему на развеселую парижскую красавицу и спросил:

– Что скажете вы о такой поэзии и о таком личике?

К большой обиде красавицы Андерсен посмотрел на луну, сиявшую полным блеском, и сказал:

– Мне больше нравится вот это старое, но вечно юное лицо.

– Monsieur! – воскликнула оскорбленная парижанка. Пренебрежение некрасивого поэта к ее прелестям было слишком очевидно.

Глава VIII

Празднества в честь Андерсена. – Семидесятилетняя годовщина. – Начало болезни. – Памятник. – Последние дни жизни и смерть Андерсена.

Андерсен мог бы считать себя вполне счастливым, если бы последние годы его жизни не омрачились сначала тяжелым общественным бедствием, а потом болезнью. Несчастная война 64-го года была для Андерсена временем тяжелых испытаний. Он невыносимо страдал, переживая неудачи, выпавшие на долю его родины. Все время находился он в подавленном, печальном настроении, почти ничего не писал и лихорадочно следил за ходом военных действий. По его словам, этот год был самым тяжелым в его жизни и все печали и неудачи его молодости бледнеют перед этим общественным бедствием.

Наступило наконец время, когда и Дания возвеличила Андерсена, признавши то, что давно уже было признано другими странами. В 1867 году Андерсен получил первое доказательство своей популярности также и в Дании. В этом году его родной город Оденсе устроил в честь знаменитого писателя особое празднество. Весь город был разукрашен флагами и гирляндами, и школьники были освобождены от занятий, но главное торжество происходило в ратуше. Там при большом стечении народа Андерсену поднесли диплом почетного гражданина. В его честь был устроен обед и бал, говорились речи и пелись песни со словами его сочинения. Громадная толпа народа провожала любимого писателя из ратуши до дверей его квартиры. Вечером в городе зажгли иллюминацию, так что Андерсен невольно вспомнил предсказание знахарки. Празднество длилось несколько дней, и знаки внимания и симпатии граждан родного города глубоко взволновали и растрогали Андерсена.

Через два года после этого, в день пятидесятилетней годовщины прибытия Андерсена в Копенгаген, город этот устроил ему еще более торжественный праздник. Комната его была засыпана цветами. Он получил больше пятидесяти роскошных букетов. В его честь опять давали торжественный обед, говорились речи, и было получено множество поздравительных телеграмм со всех концов света, в том числе и от датского короля. Сочувствие было всеобщее и полное. Андерсен был счастлив, растроган и утомлен донельзя.

Теперь Андерсен чувствовал себя настолько счастливым, что ничего более не желал. Но ему не раз приходила в голову мысль: «Долго ли еще продлится это счастье? Много ли остается мне

жить?» Предчувствие его не обманывало, так как на 66-м году жизни уже начались его старческие болезни, проявившиеся вначале припадками кашля и ревматизма.

Болезнь Андерсена усилилась после несчастного случая во время одной из его поездок за границу, когда он сильно расшибся, упав с постели. По определению врачей, у него был рак печени. Он чувствовал боль в боку, слабость и судорожные сжатия в сердце.

Друзья не оставляли Андерсена во время болезни. Между прочим, его неоднократно посещал наследный принц, и раз даже был у него сам король. Вообще его не забывали.

Уже вторую зиму Андерсен принужден был не покидать своих комнат. Обыкновенно он проводил Рождество у кого-нибудь из своих деревенских друзей и присутствовал на елке. Отказаться от этого удовольствия было ему очень тяжело, так что на третью зиму его хорошая знакомая г-жа Мельхиор устроила для больного писателя елку в его квартире, причем сделала так, что он не заметил приготовлений. Это невинное удовольствие доставило писателю много радости.

Врачи посоветовали Андерсену поездку на юг, но путешествие на этот раз не принесло ему почти никакой пользы. Болезнь его продолжала развиваться. Он был все время очень слаб, ноги его не слушались, нервы пришли в сильное расстройство. Все его волновало. Малейшая неприятность уже казалась ему несчастьем. Между прочим, очень раздражали его неверные сведения о его жизни, появившиеся в американских газетах.

Но особенно тяжело было Андерсену видеть упадок своего творчества. В последние годы он не писал уже сказок и мог сочинять только мелкие стихотворения. Последняя его сказка была «Садовник и господа». Значительно утешило Андерсена еще одно проявление его популярности среди соотечественников: зимой 1875 года, в день его рождения, к нему явилась депутация и прочла адрес, в котором говорилось, что по приказу короля Андерсену будет поставлен памятник в королевском саду. Старый писатель был глубоко взволнован этой новой честью. В ответной речи он упомянул между прочим о том, как приятен ему выбор места для памятника. «Помню, – сказал он, – как в тяжелые дни я часто ходил в этот сад и ел сухой хлеб в одной из пустынных аллей, а теперь мне ставят здесь памятник».

Однако разговоры о памятнике чрезвычайно волновали Андерсена. Ему не нравилась ни одна из моделей скульпторов, изображавших его непременно окруженным детьми. Он вовсе не считал себя исключительно детским писателем и был, конечно,

совершенно прав.

Последнее лето своей жизни Андерсен провел у своих друзей Мельхиоров в загородной вилле Ролигед на берегу моря, в прекрасной местности. Силы его быстро угасали. Сначала он выходил из своей комнаты и немного гулял по саду или сидел на берегу моря, потом прекратились и эти прогулки. По целым дням больной лежал в полузабытьи с закрытыми глазами. Под конец у него началась водянка ног и постоянный кашель, но состояние его духа в эти последние дни отличалось удивительной ясностью и спокойствием.

– Мне было бы совсем хорошо, если бы не кашель и не слабость, – говорил он. – Люди так добры ко мне, мир так прекрасен.

Последние дни Андерсен был почти без сознания, но когда приходил в себя, то постоянно возвращался к своей литературной деятельности. За несколько дней до смерти он продиктовал г-же Мельхиор небольшое стихотворение.

Андерсен умер в ночь с 3-го на 4-е августа совершенно тихо, во сне. Восемь дней спустя после кончины его тело перевезли в Копенгаген и поставили в одной из больших церквей.

Несметное количество народа пришло поклониться дорогому праху. Гроб любимого писателя положительно тонул под массой цветов и венков, присланных со всех концов света. В церкви присутствовала и королевская семья.

Так чествовали память сына бедного башмачника, который когда-то бегал в деревянных башмаках по улицам родного города, мечтая о славе. Детские мечты его сбылись, и действительность даже превзошла его честолюбивые грезы.

И вот, проследив до конца жизнь величайшего датского писателя, мы можем сказать вместе с ним, что жизнь его походила на прекрасную сказку, полную разнообразных и неожиданных превращений. Сам он, со своим скромным началом, золотыми грезами и блестящим концом, вполне годится в герои одной из своих сказок. Редкий писатель представляет такое полное соответствие личного характера и своих произведений, как Андерсен. Главные черты как самого автора, так и его произведений – возвышенная поэзия и гуманное, светлое миросозерцание.

Пока люди будут признавать за искусством способность возвышать душу и примирять с жизнью, до тех пор будут они ценить и творения Андерсена, оставившего миру столько сокровищ поэзии.

Источники

«Das Marchen meines Lebens», автобиография Андерсена. Полное собрание его сочинений. Т. 1 – *2*. Strassburg, neu uber-setzt mit Anmerkungen von Emil Ionas.

H.C. Andersen's Briefwechsel. Leipzig, 1 Band.

notes

Примечания

1

В современной литературе эта пьеса именуется обычно «Альфсоль» или «Солнце эльфов»

2

Роман так и озаглавлен двумя *буквами.* Они означают имя героя (Отто Тосруп), а также Odense Tugthuus (Оденсейский дом умалишенных)

З

Вечерняя, ночная почетная или приветственная музыка, обычно под окнами чествуемого *(Словарь В. Даля)*

4

Книга «Что рассказывал месяц» недавно появилась в русском переводе